И. Айвазов.

Церковн. вопросы в царств... Ал-дра III.

V 35/302

У 38
302

И. Г. АЙВАЗОВЪ.

ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ

въ царствованіе

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го.

Цѣна 75 коп., съ перес. 1 руб.

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1914.

И. Г. АЙВАЗОВЪ.

ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ

въ царствованіе

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-14951
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Печатня А.И. Снегиревой Москва.
1914.

10250.

2007041157

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Голосъ Церкви“ № 6. за 1914 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	1
Общая характеристика царствованія Императора АЛЕКСАНДРА III-го.	1— 3
Высшее церковное управленіе	3— 4
Епархіальная жизнь и Окружные съѣзды. . . .	4— 7
Церковно-приходская жизнь	7—10
Матеріальный бытъ духовенства и выборное начало.	10—29
Военное духовенство.	29—30
Духовенство монашествующее и монастыри. . .	30—32
Духовно-учебныя заведенія	32—35
Пастырско-учительная дѣятельность	35—36
Церковно-приходскія школы и школы грамоты. .	36—73
Миссіонерская дѣятельность	73—80
Заключеніе	80—84

Церковные вопросы въ царствованіе Императора Александра III.

„Исторія не любитъ именовать живыхъ"—это одна изъ глубоковѣрныхъ и продуманныхъ историческихъ аксіомъ. Достояніемъ исторіи служитъ лишь прошлое человѣчества и это прошлое тѣмъ интереснѣе и поучительнѣе для насъ, чѣмъ ближе оно подходитъ къ переживаемому нами времени. Вотъ почему мы и остановились на царствованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.

Къ этому насъ побуждаетъ и то убѣжденіе, что всякое новое царствованіе есть лишь новое звено въ одной неразрывной старой—вѣковѣчной цѣпи временъ и потому оно—прямой наслѣдникъ того религіозно-нравственнаго и умственнаго капитала, который скопленъ усиліями прошлаго и исполнитель тѣхъ начинаній, которыя намѣчены и предприняты въ предыдущее царствованіе. Отступленіе отъ этого взгляда есть огромная историческая ошибка, влекущая за собою не менѣе огромные гибельные результаты.

Съ такой точки зрѣнія изученіе въ церковномъ отношеніи царствованія Императора Александра III дастъ намъ возможность сознательнѣе относиться и къ современной намъ церковной жизни.

Кончина Императора Александра III вызвала въ Россіи и за-границей грандіозныя, дотого невиданныя проявленія чувства глубокой скорби о смерти русскаго Монарха-Самодержца. Имени почившаго былъ присвоенъ небывалый въ исторіи титулъ „Миротворца", точно выражающій весь смыслъ минувшаго царствованія и значеніе его не только международное, но и мѣстное—для внутренней жизни самой Россіи. Тѣмъ-же

титуломъ прекрасно характеризуется и личное душевное настроеніе въ Бозѣ почившаго Государя. Въ своей дѣятельности Онъ является вполнѣ русскимъ человѣкомъ, вѣрнымъ выразителемъ національныхъ стремленій и священно-историческихъ преданій русскаго народа. Съ его именемъ связанъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ моментовъ въ русской исторіи и особенно въ исторіи Православной русской Церкви. Принимая на себя бремя правленія „въ страшный часъ всенародной скорби и ужаса“ (событіе 1 мр. 1881 г.), почившій Государь призывалъ всѣхъ подданныхъ „служить ему и государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю русскую, къ утвержденію вѣры и нравственности,—къ доброму воспитанію дѣтей,—къ истребленію неправды и хищенія,—къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея покойнымъ его Родителемъ“ (Маниф. 29 апр. 1881 г.). Но между созидательными началами въ жизни русскаго народа всегда первое и важнѣйшее мѣсто принадлежало Православной Вѣрѣ. Только съ упроченіемъ въ народной жизни вѣры и нравственности—этихъ могучихъ и исконныхъ двигателей образованія до-петровскаго русскаго человѣка, создавшихъ если и не великихъ ученыхъ, то, несомнѣнно, великихъ духомъ людей, можно было ожидать врачеванія и прочихъ общественныхъ золъ. Горькій опытъ предыдущаго царствованія, завершившагося роковымъ событіемъ 1 мр. 1881 г., еще разъ доказалъ важность этой задачи и въ то-же время трудность ея достиженія. Тотъ-же опытъ указывалъ и на корень зла, расшатавшаго основы общественной жизни,—это господствовавшее въ царствованіе Императора Александра II пренебреженіе къ той могучей стихіи, которая взростила и воспитала нашъ русскій народъ,—къ Православной Вѣрѣ, Церкви и ея пастырямъ. Вотъ почему Правительство царствованія Императора Александра III, сознавая важность усиленія религіозно-нравственнаго воспитанія русскаго народа, обратилось за содѣйствіемъ къ исконному учителю его—св. Православной Церкви. Съ этого времени нужды православной церкви въ Россіи занимаютъ вниманіе правительства едва-ли не больше, чѣмъ многія другія государственныя нужды. Такое вниманіе правительства къ Православной Церкви отра-

зилось на всѣхъ сторонахъ ея жизни, всюду внесши духъ большого оживленія.

Такъ, въ высшемъ центральномъ управленіи русской церковью мы замѣчаемъ частую смѣну личнаго состава членовъ Св. Синода; почти за 14 лѣтъ (съ 1 мр. 1881 г.—20 окт. 1894 г.) въ Св. Синодѣ перебывали до 36-ти членовъ, каковыми были всѣ іерархи, выдающіеся своею ученостью, или административною и духовно-просвѣтительною дѣятельностію. Вызовъ ихъ всегда стоялъ въ связи съ тѣми назрѣвшими церковными нуждами и вопросами, въ рѣшеніи которыхъ такъ цѣнно было умудренное опытомъ ихъ слово. Отдавая должную дань уваженія къ такой смѣнѣ членовъ Св. Синода, мы съ особою отрадою отмѣчаемъ и прекратившійся уже вначалѣ прошлаго царствованія, по смерти протопресвитера В. В. Бажанова 31 іюля 1883 г., вызовъ лицъ изъ *бѣлаго* духовенства для присутствованія въ Св. Синодѣ. Въ исторіи Синода это явленіе не одинъ разъ наблюдалось еще въ XVIII в. И въ разсматриваемое нами время такое событіе должно быть признано торжествомъ чисто православныхъ каноническихъ нормъ въ сферѣ высшаго органа управленія помѣстной Русской Церкви. Порядокъ, при которомъ пресвитеръ управляетъ епископами, какъ равно судитъ и поучаетъ ихъ, можетъ быть только при торжествѣ у насъ протестантскаго строя Церкви, т. е. при отступленіи Русской Церкви отъ древнецерковнаго строя. Тогда, конечно, придется признать ту-же власть и за мірянами, притомъ обоихъ половъ. И этого конца протестантскаго принципа въ сферѣ церковнаго строя не желаютъ почему то видѣть наши о.о. протопресвитеры, добивающіеся членства въ Св. Синодѣ. А это-то лишній разъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что въ ихъ домогательствахъ играютъ роль даже не извращенные протестантскіе принципы, а лишь личные низменные мотивы властительства, коимъ они даютъ широкій просторъ, пользуясь для сего своимъ въ міру положеніемъ и давя міромъ на Церковь. Собственно говоря, самое положеніе у насъ „протопресвитеровъ“ разныхъ вѣдомствъ, является антиканоничнымъ. Они, особенно de facto, стоятъ внѣ вѣдѣнія епископской власти, даже власти синодальнаго епископата! Это своего рода государства въ государствѣ, отъ которыхъ Св. Синодъ всегда ожидаетъ разныхъ сюрпризовъ, вплоть до „ультиматумовъ“.., И если о чемъ и надлежитъ позаботиться,

такъ именно объ устраненіи этой вопіющей аномаліи, а не объ усиленіи ея чрезъ удовлетвореніе неканоническихъ притязаній о.о. протопресвитеровъ на членство въ Св. Синодѣ.

Что касается объема Синодальной юрисдикціи, то таковой Высочайшимъ повелѣніемъ 9 мая 1881 г. былъ нѣсколько расширенъ, причемъ исключительно въ области внутренняго церковнаго управленія [1]).

Переходя къ обзору *епархіальной жизни* въ русской церкви, мы видимъ, что она достигла рѣдкаго оживленія и планомѣрности. Во всѣхъ сферахъ ея сказались единство цѣли и настойчивость въ ея достиженіи, громадный подъемъ мѣстныхъ епархіальныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оживленіе религіозности и молитвенности въ русскомъ народѣ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ неудобствъ въ епархіальномъ управленіи русской церковью, неудобствъ, сознаваемыхъ еще на Московскомъ Соборѣ 1681 г., является многочисленность населенія и обширность русскихъ епархій. Въ отчетѣ г. Синодальнаго Об.-Прокурора за 1889 г. читаемъ: „много труда предстояло нашимъ епархіальнымъ преосвященнымъ въ управленіи своими паствами. Трудъ этотъ отягчается многочисленностью населенія и огромными пространствами нашихъ епархій. Среднимъ числомъ на каждую епархію приходится болѣе милліона православныхъ, а въ частности, нѣкоторыя епархіи насчитываютъ паствы до двухъ милліоновъ. Нигдѣ нѣтъ такихъ громадныхъ епархій, какъ въ Россіи. Нѣкоторыя патріархіи на востокѣ, со многими митрополитами и епископами, считаютъ менѣе паствы, чѣмъ наша одна епархія. Напримѣръ, въ антіохійскомъ патріархатѣ насчитывается лишь 300,000 православныхъ душъ и между тѣмъ для этой небольшой паствы существуетъ 12 епархій. Въ маленькой Греціи съ ея 2,000,000 жителей православнаго исповѣданія насчитывается около 40 епархій; на каждую епархію приходится такимъ образомъ въ Греціи не болѣе 50,000 чел.“. Но въ устраненіе столь важнаго неудобства въ церковной жизни Россіи вновь открыто было лишь 4 епархіи: Екатеринбургская и Владикавказская въ 1885 г., Финляндская въ 1892 г. и Забайкальская въ 1894 г., да Новгородская, по смерти митрополита Исидора, получила отдѣль-

[1]) См. изданную нами книгу: „Законодательство по церковнымъ дѣламъ въ царствованіе Императора Александра III“. Москва, 1913 г., стр. 3—4.

наго іерарха. Медленность въ открытіи новыхъ епархій конечно, объясняется прежде всего недостаточностью для сего какъ государственныхъ суммъ, такъ равно и собственно церковныхъ средствъ. Но если сокращеніе предѣловъ епархій чрезъ незначительное увеличеніе ихъ числа произвело въ минувшее царствованіе незначительное улучшеніе въ епархіальномъ управленіи, то громадное увеличеніе института викарныхъ епископовъ (въ 1881 г.—29; а въ 1894 г.—40) оказало большія услуги епархіальному управленію въ русской церкви. Съ той-же цѣлью облегчить епископамъ управленіе епархіями въ 1883 г. апр. 9-го введенъ былъ въ дѣйствіе новый Высочайше утвержденный Уставъ Дух. Консисторій, составленный примѣнительно къ дѣйствовавшимъ въ то время узаконеніямъ.

Но наиболѣе выдающимся явленіемъ въ епархіальной жизни русской церкви были *окружные съѣзды* сначала епископовъ, а затѣмъ и представителей бѣлаго духовенства для обсужденія церковныхъ нуждъ того или другого района. Первый такой съѣздъ былъ въ Кіевѣ (съ 8 сент. по 1 окт. 1884 г.), второй въ Петербургѣ (11 Нояб. 1884 г.), третій въ Казани (9/25 іюл. 1885 г.) и однородный съ нимъ съѣздъ епископовъ въ Сибири—въ г. Иркутскѣ (23 іюл./8 авг. 1885 г.).

Такія окружныя собранія мѣстныхъ епископовъ весьма сочувственно были встрѣчены свѣтской печатью, выразительницей, какъ принято думать, общественнаго мнѣнія. Должно замѣтить, что въ царствованіе Императора Александра III-го церковные вопросы усиленно обсуждались на страницахъ свѣтскихъ газетъ и журналовъ и тѣмъ переносились изъ узкой сферы церковной въ сферу интересовъ церковно-общественныхъ. Знакомство же съ общественными мнѣніями по церковнымъ вопросамъ важно не только для лучшаго выясненія самыхъ вопросовъ, но и для наблюденія за вліяніемъ сихъ мнѣній на рѣшенія правительства, такъ какъ и у насъ—въ Россіи общественное мнѣніе не разъ оказывало вліяніе на мѣропріятія правительства.

Лишь только появился слухъ о предполагаемомъ собраніи преосвященныхъ въ Кіевѣ, какъ въ *Южномъ Краѣ* (1884 г.) появилась корреспонденція, авторъ которой, признавая упраздненіе обычая помѣстныхъ соборовъ однимъ изъ противныхъ канонамъ и преданіямъ церкви мѣропріятій Петровской ре-

формы, писалъ: „какъ возрадуется весь православный міръ, когда воскреснетъ то̀ прошлое (соборное начало церковнаго управленія), двухсотлѣтній періодъ отсутствія котораго отозвался такъ грустно на религіозномъ бытѣ народа, на дѣлахъ церкви, на умственномъ движеніи русскаго общества XVIII и XIX ст.!"—*Современныя Извѣстія* (1884 г.) привѣтствовали предполагаемый соборъ самыми горячими благопожеланіями: „радуемся, писали они, заранѣе, что грядущій соборъ разсѣетъ, между прочимъ, опасенія, гнѣздящіяся въ высшихъ сферахъ вообще относительно соборовъ. Какъ крѣпко засѣлъ вбитый Петромъ клинъ! До предшествующаго царствованія законъ очень тщательно оберегалъ, чтобы между епископами, хотя-бы даже двумя, никакъ не могло произойти никакого личнаго совѣщанія. Законодательство не пощадило усилій, чтобы обратить и епископа, наравнѣ со всею администраціей, въ бумажнаго жреца. Но чего опасаться? Если Петръ ожидалъ приверженцевъ стараго порядка въ духовенствѣ и защитниковъ Евдокіи и Софьи: если Биронъ имѣлъ свои „причины" сѣчь кнутомъ архіереевъ, если Екатерина II имѣла свои „причины" заточить Арсенія Маціевича, то трудно теперь даже и придумать *предлоговъ* для оппозиціи въ высшемъ духовенствѣ. О, скорѣе потребно другое: возгрѣть ихъ ревность, не могущую не ослабнуть подъ двухвѣковымъ искусомъ: поощрить ихъ къ искреннему слову іерарха Божія, не внушенному лестью, человѣкоугодничествомъ, мірскою заботою".—„Южный Край" для врачеванія общественныхъ недуговъ и въ особенности раскола и штунды признавалъ сильнымъ только *соборъ іерарховъ*, авторитетъ котораго въ народѣ стоитъ внѣ сомнѣній и властное слово котораго потому произвело-бы самое благотворное дѣйствіе на этотъ народъ, да и на все общество [1]).

Возлагаемыя на соборы епископовъ надежды не были напрасны. Упомянутые соборы и сами по себѣ и своими постановленіями оставили глубокій слѣдъ въ русской церковной жизни. Ихъ отголоски и доселѣ слышны въ распоряженіяхъ епархіальныхъ властей и въ дѣятельности пастырей. Взятыя вмѣстѣ постановленія означенныхъ Соборовъ представляютъ полный и всесторонній сводъ самыхъ цѣлесообразныхъ мѣръ

[1]) „Юж. Кр." 1884 г. № 1253-й.

къ возвышенію религіозной жизни въ народѣ, къ ослабленію и уничтоженію русскаго сектантства и къ распространенію и утвержденію православія въ средѣ инородцевъ Россіи. Запечатлѣнныя характеромъ практическимъ, плодъ долголѣтней житейской, а не кабинетной мудрости, объединенныя единствомъ цѣли и средствъ, предложенныя соборами мѣры стали входить въ жизнь церкви и общества и сказались уже значительнымъ улучшеніемъ пастырскаго и миссіонерскаго дѣла въ Русской Церкви.

Вслѣдъ за окружными съѣздами епископовъ стали открываться и проектированные на Казанск. соборѣ въ 1885 г. особые миссіонерскіе съѣзды изъ представителей низшаго духовенства разныхъ епархій. Таковы два всероссійскихъ съѣзда миссіонеровъ въ Москвѣ (лѣтомъ 1887 и 1891 года). Съѣзды эти выработали нѣкоторыя *руководительныя* правила объ устройствѣ противораскольническихъ и противосектантскихъ миссій въ епархіяхъ и о способахъ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ.

Оживленіе высшихъ сферъ церковной жизни замѣтно отразилось и *въ жизни церковныхъ приходовъ*. Въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра III Московское губернское земское собраніе выступило съ ходатайствомъ объ организаціи церковныхъ приходовъ и причтовъ въ смыслѣ признанія городскихъ и сельскихъ приходскихъ обществъ, а не церкви, за юридическія лица, съ правомъ пріобрѣтать въ недвижимую собственность и закрѣплять за собою, а не церковью, имущества—движимыя и недвижимыя—и завѣдывать оными, а также избирать достойныхъ людей на должности священниковъ, съ представленіемъ о томъ заручныхъ прошеній мѣстному епископу. Св. Синодъ вполнѣ справедливо усмотрѣлъ въ семъ ходатайствѣ посягательство на самостоятельность церковныхъ учрежденій и управленія, и, признавъ незаконнымъ вмѣшательство одного вѣдомства въ дѣла другого и *антиканоничность* самаго ходатайства, оставилъ его безъ удовлетворенія. Но, отклонивъ сіе ходатайство, Св. Синодъ не оставилъ самой мысли объ организаціи приходовъ. Надъ судьбою нашихъ церковныхъ приходовъ долгое время тяготѣлъ законъ 16 апр. 1869 г., направленный къ сокращенію числа приходовъ, закрытію многихъ церквей и приписокъ

ихъ къ самостоятельнымъ приходамъ, къ сокращенію штата причтовъ — въ видахъ улучшенія матеріальнаго быта духовенства. Но опытъ показалъ, что матеріальный бытъ духовенства не улучшился, а православное населеніе въ разныхъ мѣстахъ, лишенное возможности слушать богослуженіе въ своей ближайшей церкви, стало охладѣвать къ ней и переходить въ расколъ и сектантство. Тогда Св. Синодъ 16 фев. 1885 г. отмѣнилъ законъ 16 апр. 1869 г. и тѣмъ внесъ обильную живую струю въ церковно-приходскую жизнь. Правда, законъ печальнаго недоразумѣнія, имѣвшій противъ себя практику прежнихъ царствованій, еще вначалѣ 1880-хъ годовъ былъ прорванъ тѣмъ религіознымъ и патріотическимъ воодушевленіемъ, которое охватило собою всѣ слои русскаго общества послѣ ужаснаго событія 1 мар. 1881 г. и проявилось въ сооруженіи въ одномъ 1881-мъ году до 400 новыхъ самостоятельныхъ церквей и 100 часовень, а въ слѣдующемъ 1882 г. до 465 новыхъ церквей и 181 час. и т. д!.. Но это религіозно-патріотическое оживленіе въ православномъ русскомъ народѣ, несмотря на всю важность и законность его, получило правительственную санкцію лишь въ 1885 г. и въ этомъ законѣ нашло для себя, хотя и значительно запоздавшую, опору и удовлетвореніе. Возстановляя прежде закрытыя церкви, церковная власть заботилась о построеніи и новыхъ церквей, особенно въ мѣстахъ, гдѣ болѣе всего чувствовался въ нихъ недостатокъ, какъ-то: въ Привислянскомъ, Прибалтійскомъ и Западномъ краяхъ и въ безпробудной—религіозно и необъятной Сибири. Распространить свои заботы о семъ и на ядро Европейской Россіи - на внутреннія епархіи — она была не въ силахъ, такъ какъ единственнымъ выходомъ изъ матеріально-затруднительнаго положенія въ семъ дѣлѣ была правительственная помощь, но послѣдняя, вслѣдствіе состоянія государств. финансовъ и многочисленности другихъ государственныхъ нуждъ, являлась въ незначительныхъ размѣрахъ. И до сихъ поръ положеніе церковно-строительнаго дѣла особенно въ упомянутыхъ мѣстахъ оставляетъ желать много лучшаго и требуетъ скорѣйшей и существенной правительственной субсидіи. Важность сего на Дальнемъ Востокѣ ясна и изъ послѣднихъ событій въ семъ краѣ, требующихъ сильнаго развитія и упроченія православно-русской національности въ Сибири. Важность-же окраинъ Европей-

ской Россіи не подлежитъ никакому сомнѣнію, а между тѣмъ и доселѣ здѣсь на ряду съ многочисленными и роскошными католическими костелами лишь изрѣдка попадаются ветхія, тѣсныя и невзрачныя православныя церкви и молитвенные домы.

Значительное увеличеніе числа православныхъ храмовъ естественно вызывало въ свою очередь увеличеніе и православнаго приходскаго духовенства и прежде всего увеличеніе церковныхъ приходскихъ причтовъ. Надъ приходскимъ духовенствомъ, какъ и надъ приходами, висѣлъ все тотъ-же Дамокловъ мечъ, законъ 16 апр. 1869 г., подъ губительнымъ дѣйствіемъ *котораго* общее число служащаго приходскаго духовенства постепенно сокращалось и достигло своего минимума въ 1884 г., когда изъ 121,172 лицъ, состоявшаго въ 1868 г. на службѣ бѣлаго духовенства, къ 1885 году оставалось лишь 92,217,—слѣдовательно, убыло почти 29,000 чел.!

Въ многолюдныхъ епархіяхъ внутренней Россіи особенно чувствовался крайній недостатокъ въ духовенствѣ. Отсюда понятенъ тотъ „духовный голодъ", который сильно давалъ себя знать въ центральныхъ и южныхъ епархіяхъ Россіи и искалъ себѣ удовлетворенія или въ увеличеніи числа храмовъ и духовенства, вопреки закону 1869 г., или, что было гораздо легче въ расколѣ и сектантствѣ. Эта вопіющая аномалія въ религіозной жизни русскаго народа была уничтожена въ 1885 г., когда подъ давленіемъ протестующаго религіознаго чувства русскаго простолюдина изданы были новыя правила относительно состава и штатовъ церковныхъ причтовъ. Этими правилами епархіальнымъ преосвященнымъ предоставлялось право возстановлять самостоятельные причты по просьбѣ прихожанъ и при наличности достаточныхъ, по мѣстнымъ условіямъ, средствъ содержанія при такихъ церквахъ, которыя по закону 1869 г. вошли въ составъ другихъ приходовъ. Во всѣхъ епархіяхъ, кромѣ западныхъ и закавказскихъ, церковные причты въ приходахъ, имѣющихъ менѣе 700 душъ муж. пола, должны состоять изъ священника и псаломщика, а гдѣ болѣе 700 душъ—тамъ могъ быть назначаемъ и діаконъ. При двухъ священникахъ въ приходѣ полагалось теперь 2 псаломщика и діаконъ. Съ признаніемъ всѣхъ церквей, имѣющихъ причты, самостоятельными, раздѣленіе священниковъ на настоятелей и ихъ помощниковъ отмѣнено: отмѣ-

нено и раздѣленіе причетниковъ на псаломщиковъ и исправляющихъ ихъ должность и всѣмъ имъ присвоено названіе псаломщика.

Изданіе сихъ правилъ сряду-же внесло новую благодѣтельную струю въ русскую церковно-приход. жизнь: оно ободрило и оживило духовенство, остановило уменьшеніе его наличнаго состава и вызвало увеличеніе церковныхъ причтовъ. Увеличеніе состава причтовъ назначеніемъ діаконовъ повсюду съ радостію было встрѣчено прихожанами, т. к. оно возвышало благолѣпіе и торжественность въ отправленіи богослуженія. Впрочемъ, значительное увеличеніе съ этого времени числа діаконовъ объясняется и тѣмъ, что закономъ 16 фев. 1885 г. на нихъ, какъ менѣе обремененныхъ ежедневными требами по приходу, возложено преподаваніе въ открываемыхъ церковно-приходскихъ школахъ Закона Божія и остальныхъ предметовъ подъ наблюденіемъ мѣстнаго священника. Но въ общемъ выводѣ увеличеніе приходскаго духовенства въ разсматриваемое нами время остается незначительнымъ и *за 6 лѣтъ* съ 1885 г. оно только достигло той цифры, съ какой ниспало въ первые четыре года. Недостатокъ въ духовенствѣ засвидѣтельствованъ былъ и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1889 г., въ которомъ среднее пропорціональное отношеніе приходскихъ пастырей къ своимъ пасомымъ опредѣляется въ такихъ цифрахъ: 1 священникъ исчисляется на 1,500 прихожанъ и на 2,500 чел. окружающаго его населенія. Къ концу предыдущаго царствованія дѣло немногимъ подвинулось впередъ. Такимъ образомъ на церковномъ правительствѣ лежала одна изъ трудныхъ задачъ—восполнить недостающее число священниковъ и церковно-служителей.

Другою, не меньшею заботою правительства было *устройство и улучшеніе матеріальнаго быта приходскаго духовенства*. Извѣстно, что нѣтъ государства въ Европѣ, гдѣ-бы національное духовенство было такъ брошено на произволъ судьбы, какъ у насъ въ Россіи. Особенно горькимъ было его положеніе въ царствованіе Императора Александра II-го. Одинъ заграничный писатель въ своей „Правдѣ о Россіи" (стр. 347) писалъ: „положеніе сельскаго духовенства ужасно. Оно бѣдно, удалено отъ всякаго умственнаго пособія, сосѣдніе помѣщики обращаются съ нимъ неуважительно, и потому его жизнь ничто иное, какъ продолжительный рядъ

страданій". Въ одномъ изъ русскихъ серьезныхъ журналовъ (Русск. Вѣст. 1863 г. № 5, стр. 846) читаемъ: „нашъ священникъ собираетъ съ причтомъ по мѣднымъ грошамъ, ходя изъ избы въ избу, какъ какой нибудь *парія*, и всецѣло зависитъ въ деревнѣ отъ мужика—самодура, или міроѣда.... Какая-же ему послѣ этого возможность отдаться чисто духовному своему призванію, когда каждая минута напоминаетъ ему о кускѣ насущнаго хлѣба и его бѣдствующихъ дѣтяхъ. Онъ таки учился чему нибудь: и изящной словесности и философіи, а жить долженъ, какъ всякій безграмотный мужикъ, по своей обстановкѣ и внѣшнимъ средствамъ. Стоитъ только сообразить всю перспективу и слѣдствія подобныхъ обстоятельствъ. Собирая отъ народа по копѣйкамъ, какъ *попрошайка*, и завися экономически отъ *милости прихожанъ*— какое духовно-нравственное вліяніе можетъ имѣть нашъ сельскій священникъ на народъ? Вѣдь для вліянія должно имѣть самостоятельность, независимость, хорошую обстановку. Бѣдность кого подъ часъ не сломитъ! Хорошо намъ въ столицахъ разсуждать о вопіющихъ недостаткахъ нашего сельскаго духовенства семинарскаго воспитанія. Поставить-бы насъ на мѣста этихъ тружениковъ. Чтобы изъ насъ вышло съ нашею дешево купленною гуманностью, съ неумѣстнымъ безкорыстіемъ, съ нашимъ духовно-нравственнымъ развитіемъ *безъ труда и печали*. Да возьмите хоть доктора Геттингенскаго, или Оксфордскаго университета, назначьте ему содержаніе въ 200 или 300 руб. въ годъ и пусть онъ эти деньги добываетъ, какъ парія, какъ попрошайка, ходитъ изъ избы въ избу, и прислуживается къ мужикамъ—самодурамъ и міроѣдамъ; пусть еще въ добавокъ имѣетъ многочисленное семейство: посмотрѣлъ бы я, сколько изъ подобныхъ докторовъ не сломилось бы подъ матеріальнымъ и моральнымъ гнетомъ, особенно когда еще благопопечительное начальство, ради пріученія къ смиренію и послушанію, и поприжметъ его".—Ясно, что при такомъ положеніи приходскаго духовенства, когда оно вынуждалось подражать дикому вкусу и монгольскимъ привычкамъ нашего простолюдина, сознаніе личнаго достоинства въ немъ притуплялось и эстетическое и нравственное чувство грубѣли. Можетъ-ли быть тутъ рѣчь о просвѣщеніи себя, объ изученіи раскола и сектъ и тѣмъ болѣе борьбы съ ними? А этого-то и требовало отъ него и общество и прави-

тельство времени царствованія Александра II! Признавая необходимымъ духовно-нравственное просвѣщеніе народа, рождавшаго среди себя секты одну другой изувѣрнѣе и нелѣпѣе, правительство Александра II не только не содѣйствовало православному духовенству въ семъ, но, напротивъ, поставляло его прямо въ стѣснительные въ семъ дѣлѣ условія! И нужно было много энергіи, самоотверженія и безкорыстія, чтобы продолжать религіозно-нравственное воспитаніе простолюдина!—Но вотъ, со вступленіемъ на престолъ Императора Александра III, картина матеріальнаго быта православнаго приходскаго духовенства постепенно мѣняется къ лучшему.— Какъ въ высшихъ правящихъ сферахъ, такъ и въ обществѣ обратили серьезное вниманіе на матеріальный бытъ духовенства и стали обсуждать средства къ улучшенію его.

Къ этому-же времени, какъ и ранѣе, самая большая часть русскаго духовенства городского и сельскаго содержалась, главнымъ образомъ, на мѣстныя средства, получаемыя отъ прихода въ видѣ или руги, или платы за требоисправленіе, или обработки церковной земли. Но всѣ означенныя средства содержанія, взятыя вмѣстѣ или каждое отдѣльно, всегда оказывались неудовлетворительными. Число ружныхъ церквей и причтовъ при нихъ уменьшалось годъ отъ года: къ 1881 г. ихъ считалось 100, а къ 1891 г.—82: руга собиралась духовенствомъ съ прихода съ прежними затрудненіями и далеко не въ полномъ количествѣ: въ нѣкоторыхъ приходахъ причты не получали руги по два и по три года. Плата за требы не вездѣ была одинакова и вполнѣ зависила отъ средствъ и добровольства прихожанъ: по общему отзыву она тоже стала уменьшаться: а заявленіе-же духовенства о возвышеніи платы за требы считалося вымогательствомъ и нарушало добрыя отношенія между духовенствомъ и приходомъ. „Крестьянинъ, по словамъ „Новаго Времени" (1893 г.), привыкъ въ теченіе сотни лѣтъ платить за требы копѣйками и ему никакого нѣтъ дѣла, что цѣнность этой копѣйки за послѣдніе только годы измѣнилась болѣе чѣмъ на половину. А попробуетъ священникъ, подъ вліяніемъ всеобщей дороговизны, попросить у крестьянина за какую-нибудь требу вмѣсто двугривеннаго — четвертакъ, — сейчасъ является поводъ къ недоразумѣніямъ, натянутымъ отношеніямъ между пастыремъ и паствою, а иногда и жалоба на вымогательство

за которое съ священника всегда строго взыскивается". — Правда, въ обществѣ и печати поднимался не разъ вопросъ о замѣнѣ поручной платы за требоисправленія опредѣленнымъ ежегоднымъ содержаніемъ отъ прихода, такъ: въ „Нов. Врем." (1893 г. № 6068) писали: „платятъ-же прихожане извѣстное постоянное содержаніе, по извѣстной раскладкѣ, волостному старшинѣ, писарю, фельдшеру, учителю, сельскому старостѣ, и тому подобнымъ лицамъ, независимо отъ того, кто и сколько разъ обращается къ симъ лицамъ за помощью, почему-же именно причту церковному долженъ платить только тотъ, у кого умеръ ребенокъ, родилось дитятко, женится сынъ?.. Почему приходская община не можетъ назначать извѣстное содержаніе своему причту также, какъ другимъ должностнымъ лицамъ той-же общины, съ тѣмъ, конечно, чтобы всякіе случаи въ семействахъ прихожанъ, требующіе участія церковнаго причта, были удовлетворяемы всегда не только безплатно, но и безъ всякихъ добровольныхъ даяній?"

Но данный вопросъ оставался не рѣшеннымъ; сдѣланныя-же въ нѣкоторыхъ сельскихъ приходахъ попытки въ этомъ родѣ не увѣнчались успѣхомъ: прихожане, вслѣдствіе общаго обѣднѣнія, низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, неурожаевъ, увеличенія налоговъ, отказывались отъ данныхъ ими прежде приговоровъ выдавать опредѣленное содержаніе своему духовенству, а присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, куда нѣкоторые причты иногда обращались съ просьбою о принужденіи крестьянъ къ исполненію своихъ приговоровъ, отказывали въ просьбахъ духовенству, считая самые приговоры необязательными. Что-же касается обработки церковной земли, то она часто не покрывала всѣхъ, сдѣланныхъ на нее, затратъ и сама по себѣ отвлекала духовенство отъ выполненія прямыхъ и все болѣе и болѣе увеличивающихся пастырскихъ его обязанностей, порождая и массу недоразумѣній съ прихожанами. Впрочемъ, послѣдній способъ содержанія духовенства, какъ болѣе другихъ устойчивый, всегда поддерживался правительствомъ и въ минувшее царствованіе вызвалъ для того нѣкоторыя выдающіяся мѣры. Въ 1883 г. былъ повторенъ законъ 1876 года о неотчуждаемости земель, отведенныхъ церквамъ отъ прихожанъ для довольства причтовъ, объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на случаи необходимости этого отчужденія и о возвращеніи вырученнаго за продажу

отчужденныхъ церковныхъ земель капитала тѣмъ церквамъ и причтамъ, отъ которыхъ земли отчуждены, въ случаѣ ихъ возстановленія. Въ 1886 г. были изданы новыя правила о порядкѣ отчужденія и занятія частныхъ недвижимыхъ имуществъ для нуждъ православной церкви и ея учрежденій въ Прибалтійскомъ краѣ, дающія прочную основу развитію въ этомъ краѣ церковной земельной собственности и устраиваемыхъ на ней православныхъ церквей, монастырей, причтовыхъ домовъ и школъ. Подобное-же значеніе имѣетъ и состоявшееся 20 янв. 1893 г. рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената о непримѣненіи земской давности къ завладѣнію церковными землями.

Нужно замѣтить, что во взглядѣ на матеріальную необезпеченность приходскаго духовенства свѣтская печать начала 1880-хъ годовъ, времени усиленнаго обсужденія сего вопроса, была далеко не единодушна. Въ то время какъ одна часть печати признавала матеріальную необезпеченность приходскаго духовенства безспорнымъ фактомъ, и проектировала мѣры къ улучшенію матеріальнаго быта духовенства, вполнѣ или почти согласныя съ устанавливавшимися въ то время взглядами правительства,—другая—преимущественно либеральная пресса—не только діаметрально расходилась со взглядами правительства на средства содержанія духовенства, но и заподозривала бѣдственное положеніе его. Впрочемъ, въ „Голосѣ" (1882 г. № 182)—представителѣ С.-Петербургской либеральной интеллигенціи, появилась одна статья, неизвѣстный авторъ которой указывалъ на необходимость обезпечить приходское духовенство постояннымъ окладомъ жалованья изъ какихъ-бы то ни было источниковъ, но подобные взгляды не были выраженіемъ мыслей „Голоса" и потому лишь изрѣдка появлялись на столбцахъ его.—Лучшимъ выразителемъ взглядовъ либеральной печати на матеріальный бытъ духовенства явился журналъ „Русская Мысль" (1882 г.), во „внутреннемъ обозрѣніи" августовской книжки котораго неизвѣстный авторъ собралъ почти всѣ корреспонденціи изъ либеральныхъ газетъ столичныхъ и провинціальныхъ (Страны, Зари, Порядка, Голоса, Русск. Курьера, Южнаго Края, Новоросс. Телеграфа, Русск. Вѣд., Орлов. Вѣст., Сарат. Дневн., Москов. Телегр., Казан. Биржев. Листка, Церк. Общ.-Вѣстн.), содержащія въ себѣ обличенія духовенства въ поборахъ и

вымогательствахъ за требы и описанія случаевъ столкновеній духовенства съ прихожанами преимущественно изъ-за платы за исправленіе требъ. Непосредственное впечатлѣніе отъ статьи на читателя таково, что будто вся Россія стонетъ подъ гнетомъ поборовъ духовенства,—не многимъ уступающихъ еврейской эксплуатаціи. Авторъ убѣжденъ въ необходимости скорѣйшаго устраненія сей аномаліи, особенно развитой и тягостной въ крестьянскомъ быту: но мѣрою къ этому, по его мнѣнію, не можетъ быть назначеніе священникамъ жалованья отъ казны, ибо духовенство и безъ того обезпечено совершенно достаточно. Мнѣніе о необезпеченности приходскаго духовенства авторъ называетъ „старыми сказками"... „Богъ вѣсть, замѣчаетъ онъ, откуда и какъ сложился такой странный взглядъ, но уже давно пора оставить его и болѣе трезво посмотрѣть на дѣйствительность". Дѣйствительность же, по мнѣнію автора, говоритъ слѣдующее: „приходское духовенство совершенно достаточно обезпечено въ матеріальномъ отношеніи" (стр. 76); духовенство страдаетъ не отъ бѣдности, а отъ „алчности" (любимое авторомъ выраженіе): оно „давно выдѣлилось изъ живаго общенія съ народною массою, перестало жить одною жизнію съ народомъ и приблизилось къ тѣмъ кулакамъ, которые, въ погонѣ за наживою, всѣми возможными средствами, безъ разбора нравственнаго достоинства ихъ, эксплуатируютъ въ свою пользу народное невѣжество и бѣдность" (стр. 123); „духовенство усвоило себѣ— чисто кулацкое направленіе въ своихъ отношеніяхъ къ народу, направивъ свою дѣятельность исключительно на выжиманіе изъ населенія возможно большихъ доходовъ": „въ настоящее время, говоритъ авторъ, почти всѣ согласны въ томъ, что таково именно положеніе, занимаемое приходскимъ духовенствомъ въ средѣ православнаго населенія" (тамъ-же). И такое направленіе, по мнѣнію автора, должно идти дальше, по мѣрѣ бо́льшаго матеріальнаго обезпеченія духовенства: „извѣстные намъ факты, говоритъ онъ, указываютъ, что, по мѣрѣ обезпеченія духовенства казеннымъ жалованьемъ и увеличенія имущественнаго достатка, деморализація въ средѣ духовенства (почему-же оно въ семъ случаѣ единственное исключеніе?!.) усиливается, а отношенія между прихожанами и причтами ухудшаются; ни откуда нѣтъ столько жалобъ на безнравственность духовенства и на тяжесть поборовъ съ при-

хожанъ, какъ изъ тѣхъ губерній, гдѣ православное духовенство наиболѣе щедро обезпечено казеннымъ жалованьемъ и гдѣ оно пользуется наибольшимъ имущественнымъ достаткомъ". Необходимо, говоритъ авторъ, улучшить теченіе церковно-приходской жизни. Но какое направленіе должна принять необходимая въ этомъ отношеніи реформа?—здѣсь, по мнѣнію автора, мнѣнія расходятся въ діаметрально-противоположныя стороны. „Люди, ближе стоящіе къ народной средѣ, лучше знакомые съ потребностями народа и горячо принимающіе къ сердцу интересы его, полагаютъ, что самому народу должно быть предоставлено право какъ *избирать* для себя духовенство, такъ и обезпечивать содержаніе его. Земства и городскія общества высказались въ томъ смыслѣ, что для устраненія теперешнихъ враждебныхъ отношеній между церковными причтами и приходскими людьми и для возвышенія низменнаго нравственнаго уровня въ средѣ духовенства, необходимо предоставить приходамъ право избирать членовъ церковнаго причта и, по свободному договору съ ними при самомъ избраніи, опредѣлять размѣръ вознагражденія за церковныя требы и вообще всякіе другіе способы содержанія приходскаго духовенства; епархіальному-же начальству должно принадлежать право окончательнаго *утвержденія* въ духовныхъ должностяхъ лицъ, избранныхъ приходами, и *право контроля* какъ надъ служебными дѣйствіями, такъ и надъ частною жизнію духовенства, согласно существующимъ на этотъ предметъ каноническимъ правиламъ (о которыхъ раньше авторъ не упоминаетъ: очевидно трудно было ему подтверждать канонами явную антиканоничность своихъ мыслей). По другому мнѣнію, распространенному преимущественно среди духовенства, и въ бюрократическихъ сферахъ, необходимо поставить приходское духовенство внѣ всякой зависимости отъ приходскихъ людей, обезпечить его жалованьемъ на государственный счетъ, подчинить его самой строгой зависимости исключительно отъ одного епархіальнаго начальства,—словомъ, окончательно образовать изъ него государственное служилое сословіе, чтобы чрезъ посредство его дѣйствовать на народъ, направляя и регулируя духовно-нравственную жизнь послѣдняго" (стр. 123). Всѣ симпатіи неизвѣстнаго автора на сторонѣ перваго мнѣнія и мы видимъ въ немъ сторонника уже извѣстнаго намъ ходатайства Московскаго

губернскаго земскаго собранія объ организаціи церковныхъ приходовъ и причтовъ.

Справедливость требуетъ сказать, что въ приведенной статьѣ автора есть доля правды, но только относительно *единичныхъ* случаевъ: а вообще его сужденія голословны, базируются на принятыхъ имъ съ вѣтру слухахъ: обобщенія, дѣлаемыя имъ на основаніи *единичныхъ*, да и то большею частью не указанныхъ, случаевъ, крайне не логичны и явно тенденціозны, и его мнѣніе, что съ увеличеніемъ имущественнаго достатка духовенства усилится его деморализація и разрывъ съ народомъ, какъ основанное на бѣглыхъ газетныхъ замѣткахъ, выходящихъ изъ-подъ пера Богъ вѣсть какихъ корреспондентовъ и репортеровъ, остается не только не доказаннымъ, но и прямо-таки, въ силу своей аргументаціи, смѣшнымъ, такъ какъ достаточно себѣ представить ту *смѣсь* націй, вѣроисповѣданій, а слѣдовательно и убѣжденій, *смѣсь*, которой почти всегда обусловливается взглядъ на вещи, проводимый въ печати—какъ ясной станетъ полная невозможность шить кафтанъ для духовенства по мѣркѣ сихъ выразителей якобы общественнаго и притомъ православно-русскаго мнѣнія, по церковнымъ вопросамъ. Да и почему это авторъ грозитъ деморализаціею отъ матеріальнаго достатка только духовенству?! Ужъ не логичнѣе ли тогда этотъ принципъ объявить общимъ и для всѣхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей?.. Или, по автору, только духовенство въ стужу отъ бездровья не мерзнетъ въ голодуху отъ безхлѣбья сыто и т. п.?!

Предлагаемая же авторомъ реформа церковно-приходской жизни, состоящая въ возстановленіи древняго „права“ русской приходской общины избирать духовенство и назначать ему отъ себя опредѣленное содержаніе, не выдерживаетъ критики ни съ церковно-канонической, ни съ русской церковно-исторической точки зрѣнія. Основаніе для выбора лицъ духовнаго сана положено въ Священномъ Писаніи: „руки скоро не возлагай ни на кого-же, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ“, заповѣдалъ Ап. Павелъ Тимоѳею (I посл. гл. V, ст. 26). Ясно, что по этой заповѣди избраніе, какъ соединенное съ нравственною отвѣтственностью епископа, зависитъ отъ личнаго его усмотрѣнія. Затѣмъ, седьмый всел. соб. (пр. 3-е) признаетъ избраніе въ свящ. санъ, дѣ-

лаемое мірскими начальниками, не дѣйствительнымъ, а Лаодикійскій соб. (пр. 12) воспрещаетъ имѣющихъ произвестися въ священство избирать сборищу народа. И въ древней церкви *избраніе* лицъ духовнаго сана всегда производилось епископомъ, при дѣятельномъ участіи собора священнослужителей, и лишь *рукоположеніе* уже избраннаго совершалось въ присутствіи народа среди церкви: „аще можетъ и народъ свидѣтельствовати о немъ" (7 пр. Ѳеоф. Алекс.).—*У насъ*, со времени введенія христіанства, по примѣру восточной церкви, въ которой въ то время къ воспріятію священства подготовлялись при епископскихъ каѳедрахъ, церковная и государственная власть постоянно стремились къ основанію съ этой цѣлью училищъ. Сюда относятся: сказаніе лѣтописей объ основаніи вел. кн. Ярославомъ (1019—54) училища для дѣтей пресвитеровъ и старѣйшинъ въ Новгородѣ; постановленія объ учрежденіи въ духовн. вѣдомствѣ школъ Московскихъ соборовъ 1551 г. (ст. 26) и 1667 г. (полн. собр. зак. т. I, № 412, ст. 29); предположенія Петра I-го въ духовномъ регламентѣ объ основаніи при всѣхъ архіерейскихъ каѳедрахъ духовныхъ школъ и семинарій, а также академіи, съ тѣмъ чтобы *единыхъ* въ школѣ архіерейской наставленныхъ, когда уже, за помощью Божіею, довольное число ихъ покажется, производить въ священство (полн. собр. Зак. 1721 г. Янв. 25, № 3718, дѣл. спис. ст. 10); и, наконецъ, начертаніе правилъ объ образованіи дух. училищъ и о содержаніи духовенства 26 ін. 1808 г. (П. С. З. № 23, 122), которыми было предположено, между прочимъ, по всѣмъ приходамъ опредѣлять священниковъ не иначе, какъ по классамъ ихъ ученія (ст. 139). Между тѣмъ, духовныя школы, по недостатку матеріальныхъ средствъ, а еще болѣе учащихъ силъ, до того медленно развивались, что даже въ 1764 г. было только 26 учеб. заведеній съ 6,000 учащихся на 100,000-чный составъ церковнаго клира. Необходимо было для комплектованія послѣдняго обращаться къ рукоположенію во священство грамотныхъ людей, вовсе неизвѣстныхъ епископамъ, что само собою указывало на необходимость въ принятіи мѣръ удостовѣренія въ благонадежности лицъ, ищущихъ священства. Съ этой цѣлью еще Владимірскій Соборъ, созванный въ 1274 г. всероссійскимъ митропол. Кирилломъ, установилъ требовать отъ ставленниковъ, чтобы

ихъ сосѣди и знакомые засвидѣтельствовали ихъ честность, трезвость и добрыя склонности. Такія свидѣтельства или одобренія, съ теченіемъ времени, превратились въ *приходскіе выборы*. Обыкновенно прихожане составляли мірской приговоръ объ избраніи кандидата на священство, въ которомъ свидѣтельствовали, что избранный „житія добраго и не подозрительнаго" (Дух. Регл. „о мірскихъ особахъ" п. 8-й), и представляли кандидата мѣстному епископу для испытанія и посвященія.—Какъ продуктъ исторически-сложившихся условій главнымъ образомъ религіозно-умственной, а отчасти и матеріальной жизни русской церкви, приходскіе выборы могли быть *терпимы* русской церковью лишь до тѣхъ поръ, пока она окажется въ силахъ сама доставлять необходимый контингентъ церковнаго клира, какъ то требовалось церковными канонами. Вотъ почему мы видимъ, что, по мѣрѣ развитія религіозно-умственныхъ и матеріальныхъ силъ русской церкви, право, точнѣе практика, приходскихъ выборовъ ограничивалось и къ концу XVIII в., а особенно въ началѣ XIX-го совершенно исчезаетъ.

Нужно-ли сожалѣть объ уничтоженіи приходскихъ выборовъ? Намъ кажется, что съ церковно-канонической точки зрѣнія, единственно законной въ данномъ случаѣ, приходскіе выборы были явленіемъ ненормальнымъ и возвращеніе русской церкви на путь вѣрности церковнымъ канонамъ можетъ считаться явленіемъ только отраднымъ.

Что-же касается мнѣнія публицистовъ, что уничтоженіе приходскихъ выборовъ есть нарушеніе древняго права (?!.) русскаго прихода, то, по нашему мнѣнію, нарушеніе церковныхъ каноновъ настолько важнѣе, насколько божественное выше человѣческаго: право-же епископа *избирать* и посвящать на священныя степени безспорно есть божественное полномочіе, а право прихода (да и *право-ли*? Не точнѣе ли практика, да и та введенная не приходомъ, а церковною властью?..)—человѣческое и лишь первое неприкосновенно. Мнѣніе-же, что приходскіе выборы служатъ лучшей гарантіей нравственной безупречности кандидата на священство, не подтверждается многовѣковой практикой сихъ выборовъ. На соборѣ 1551 г. царь Иванъ Васильевичъ заявлялъ, что уличане брали съ избираемыхъ ими въ причтъ большія деньги и потому поставленнаго по собственному усмотрѣнію вла-

дыки, хотя-бы былъ грамотѣ гораздъ и чувственъ, не принимали: Московскій соборъ 1667 г. выразилъ, что церкви Божіи корчемствовали, разумѣя избраніе къ церквамъ тѣхъ, кто давалъ избирателямъ больше денегъ, и потому въ причтъ вторгались люди несвѣдущіе, которые „ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей" (ст. 29). Для прекращенія подобныхъ злоупотребленій установлены были соборомъ 1551 г., а потомъ и Духовнымъ Регламентомъ, для избранія прихожанами кандидатовъ священства правила, которыя, затѣмъ, многократно подтверждались и дополнялись, причемъ всегда высказывалась мысль, что правила сіи *временныя*, до приготовленія достаточнаго для укомплектованія причтовъ числа лицъ, получившихъ богословское образованіе, и слѣдовательно избираемыхъ лишь епископомъ.—*Такимъ образомъ*, возстановленіе нынѣ права приходскихъ выборовъ, помимо нарушенія церковныхъ каноновъ, было-бы въ сущности поворотомъ къ прежнимъ временамъ невѣжества, изъ котораго наше отечество вышло рядомъ многовѣковыхъ усилій, и могло-бы повести къ прежнимъ злоупотребленіямъ, такъ какъ современная жизнь показываетъ, что къ этой мѣрѣ обращаются, по-преимуществу, люди, удаленные за проступки или неспособность изъ духовныхъ школъ, а, между тѣмъ, прихожане, склоненные ими тѣмъ или другимъ способомъ на свою сторону, домогаются опредѣленія таковыхъ на должности священнослужителей. Интересно для даннаго вопроса мнѣніе такого столпа Церкви, какимъ былъ Святый Іоаннъ Златоустъ. „Иди, говоритъ онъ, и посмотри на народныя празднества, гдѣ большею частію и положено производить избраніе на церковныя должности, и ты увидишь, что на священника сыплется такъ много порицаній, какъ велико число подчиненныхъ. Всѣ, имѣющіе право представлять эту честь, раздѣляются тогда на многія части, и въ избраніи пресвитеровъ не увидишь согласія ихъ ни между самими собою, ни съ епископомъ, но каждый стоитъ самъ по себѣ, избирая одинъ одного, другой другого. Причина въ томъ, что не всѣ смотрятъ на то, на что единственно нужно бы смотрѣть, на добродѣтель души; но бываютъ и другія побужденія къ предоставленію этой чести, напримѣръ, говорятъ: такой-то долженъ быть избранъ, потому что онъ происходитъ изъ знатнаго рода; другой—потому, что владѣетъ ве-

ликимъ богатствомъ и не будетъ имѣть нужды содержаться на счетъ церковныхъ доходовъ: третій—потому, что добровольно перешелъ къ намъ отъ противниковъ нашихъ; и стараются предпочесть другимъ одинъ своего пріятеля, другой—родственника, а иной—даже льстеца; но никто не хочетъ смотрѣть на способнаго и сколько-нибудь узнать душевныя качества. Я же такъ далекъ отъ того, чтобы упомянутыя причины считать достаточными свидѣтельствами достоинства священниковъ, что даже и того, кто отличался бы великимъ благочестіемъ, не мало полезнымъ для этой власти, и его не осмѣлюсь тотчасъ избрать, если онъ не окажется имѣющимъ вмѣстѣ съ благочестіемъ и великое благоразуміе. Я знаю многихъ изъ проведшихъ всю жизнь свою въ затворничествѣ и изнурявшихъ себя постомъ, которые, пока пребывали въ уединеніи и пеклись только о себѣ, были угодны Богу и каждый день болѣе и болѣе преуспѣвали въ этомъ любомудріи, а когда явились къ народу и должны были исправлять невѣжество людей, тогда одни изъ нихъ съ самаго начала оказались неспособными къ такому дѣлу, а другіе, хотя по нуждѣ и продолжали служеніе, но, оставивъ прежнюю строгость жизни, причинили величайшій вредъ самимъ себѣ и не принесли никакой пользы другимъ. Даже если бы кто оставался всю жизнь свою на низшей степени служенія и достигъ глубокой старости, и того я не возвелъ бы на высшую степень по уваженію къ одному только возрасту его. Что будетъ, если онъ и въ такомъ возрастѣ окажется неспособнымъ? Говорю это теперь, не желая унизить сѣдины или узаконить, чтобы принадлежащіе къ лику монашествующихъ вовсе были устраняемы отъ этого предстоятельства,—ибо случалось, что многіе и изъ числа ихъ прославлялись на этой должности,—но стараюсь доказать, что если ни благочестіе само по себѣ, ни глубокая старость не могутъ дѣлать владѣющаго ими достойнымъ священства, то тѣмъ менѣе сдѣлали бы это вышесказанныя причины. Нѣкоторые представляютъ еще другія безразсуднѣйшія побужденія; такъ: одни избираются въ составъ клира изъ опасенія, чтобы не предались на сторону противниковъ, другіе за свою злобу, чтобы они, бывъ обойдены, не сдѣлали много золъ. Что можетъ быть беззаконнѣе этого, когда люди негодные и исполненные множества пороковъ полу-

чаютъ честь за то, за что надлежало бы наказывать ихъ и за что не слѣдовало бы позволять имъ переступать порога церковнаго, за то самое они возводятся въ священническое достоинство? Еще ли мы будемъ искать, скажи мнѣ, причины гнѣва Божія, позволяя людямъ порочнымъ и ничего не заслуживающимъ губить дѣла столь святыя и страшныя? Когда управленіе дѣлами ввѣряется или тѣмъ, кому они вовсе не свойственны, или тѣмъ, силы которыхъ много превышаются ими, тогда церковь становится нисколько не отличною отъ Эврипа [1]). Прежде я смѣялся надъ мірскими начальниками за то, что при раздаяніи почестей они обращаютъ вниманіе не на добродѣтель душевную, а на богатство, преклонность лѣтъ и покровительство людей: но уже не сталъ считать это такъ страннымъ, когда услышалъ, что такое неразуміе проникло и въ наши дѣла. Удивительно ли, что такъ погрѣшаютъ люди мірскіе, ищущіе славы отъ народа и дѣлающіе все для денегъ, когда и выдающіе себя за отрекшихся отъ всего поступаютъ нисколько не лучше тѣхъ и, препираясь о небесномъ, какъ бы совѣщаясь о десятинахъ земли или о чемъ другомъ подобномъ, берутъ ничтожныхъ людей и поставляютъ ихъ надъ тѣми дѣлами, для которыхъ Единородный Сынъ Божій не отрекся уничижить славу Свою, содѣлаться человѣкомъ, принять образъ раба, претерпѣть заплеванія и заушенія и умереть по плоти поносною смертію (Филипп. 2, 7. Матѳ. 26, 67)? И на этомъ одномъ они не останавливаются, а прибавляютъ и другое болѣе безразсудное: не только избираютъ недостойныхъ, но и отвергаютъ способныхъ. Какъ будто нужно съ обѣихъ сторонъ разрушать крѣпость Церкви, или какъ будто недостаточно одной причины къ воспламененію гнѣва Божія,—они прибавляютъ другую, не менѣе тяжкую. По моему мнѣнію, равно преступно отдалять людей полезныхъ и допускать безполезныхъ; и это дѣлается для того, чтобы стадо Христово ни въ чемъ не могло находить утѣшенія и отрады. Не достойно ли это тысячи молній и геенны ужаснѣйшей, нежели та, какая угрожаетъ намъ? Однако переносить и терпить такія злыя дѣла *не хотящій смерти грѣшника, но сже обра-*

[1]) Евринъ—узкій проливъ, въ которомъ вода, по сказанію грековъ, прибываетъ и убываетъ семь разъ въ день и семь разъ ночью.

титися и живу быти ему (Iезек. 33, 11). Кто не удивится человѣколюбію Его? Кто не изумится милосердію Его? Христіане губятъ принадлежащее Христу болѣе враговъ и непріятелей, а Онъ, Благій, еще милосердствуетъ и призываетъ къ покаянію. Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ! Какая бездна человѣколюбія у Тебя! Какое богатство долготерпѣнія! Тѣ, которые именемъ Твоимъ изъ простыхъ и незнатныхъ сдѣлались почтенными и знатными, обращаютъ эту честь противъ Почтившаго ихъ, дерзаютъ на недоступное дерзновенно, оскорбляютъ святыню, устраняя и отвергая доблестныхъ для того, чтобы при великомъ оскудѣніи и съ крайнею свободою порочные низвращали все по своему произволу. Если желаешь узнать причины и этого зла, то найдешь, что онѣ одинаковы съ прежними, потому что корень и, такъ сказать, матерь ихъ одна—зависть: но онѣ имѣютъ не одинъ видъ, а различаются между собою. Говорятъ: этотъ долженъ быть отвергнутъ потому, что молодъ: другой потому, что не умѣетъ льстить: третій потому, что поссорился съ такимъ-то: четвертый, чтобы такой-то не оскорбился, увидѣвъ, что предложенный имъ отвергнутъ, а избранъ этотъ: пятый потому, что добръ и скроменъ: шестый потому, что слишкомъ страшенъ для согрѣшающихъ; седьмый по другой подобной причинѣ. Вообще, не затрудняются приводить столько предлоговъ, сколько захотятъ: если же не найдутъ ничего другого, то поставляютъ на видъ и богатство, и то, что не должно возводить въ эту честь вдругъ, а постепенно и мало-по-малу, и другія причины могутъ найти, какія захотятъ. Теперь я желалъ бы спросить: *что должно дѣлать епископу въ борьбѣ съ такими вѣтрами?* Какъ ему устоять противъ такихъ волнъ? Какъ ему отразить всѣ эти нападенія? Если онъ будетъ руководствоваться въ дѣлахъ здравымъ разсудкомъ, то и ему и избраннымъ всѣ становятся врагами и непріятелями, дѣлаютъ все вопреки ему, каждый день производятъ раздоры и преслѣдуютъ избранныхъ безчисленными насмѣшками, пока не низвергнутъ ихъ или не возведутъ своихъ приверженцевъ. И бываетъ подобно тому, какъ если бы внутри плывущаго корабля кормчій имѣлъ своими спутниками морскихъ разбойниковъ, которые и ему, и гребцамъ, и плавателямъ, постоянно и ежечасно причиняли бы козни. Если же епископъ предпочтетъ угожденіе этимъ людямъ собствен-

ному спасенію, принявъ тѣхъ, кого не слѣдовало, то вмѣсто нихъ будетъ имѣть врагомъ своимъ—Бога; что можетъ быть ужаснѣе этого? И положеніе его въ отношеніи къ нимъ будетъ труднѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ всѣ они, содѣйствуя другъ другу, чрезъ то самое болѣе усиливаются. Какъ отъ сильныхъ вѣтровъ, встрѣтившихся съ противныхъ сторонъ, дотолѣ спокойное море вдругъ начинаетъ свирѣпствовать, воздымаетъ волны и губитъ плавателей, такъ и церковная тишина, по принятіи вредныхъ людей, возмущается и претерпѣваетъ много кораблекрушеній.

Представь же, какимъ долженъ быть тотъ, кому предстоитъ выдерживать такую бурю и отвращать такія препятствія общему благу? Онъ долженъ быть важнымъ и негордымъ, суровымъ и благосклоннымъ, властнымъ и обнительнымъ, безпристрастнымъ и услужливымъ, смиреннымъ и неработѣннымъ, строгимъ и кроткимъ, чтобы онъ могъ удобно противостоять всѣмъ препятствіямъ; *онъ долженъ съ полною властію принимать человѣка способнаго, хотя бы всѣ тому противились*, а неспособнаго съ такою же властію отвергать, хотя бы всѣ дѣйствовали въ его пользу, имѣть въ виду только одно благосостояніе церкви и ничего не дѣлать по враждѣ или изъ угожденія кому-нибудь"...

Отстаивая приходскіе выборы и ратуя противъ исключительной зависимости духовенства отъ епархіальнаго архіерея, авторъ вышеупомянутой статьи въ „Русск. Мысли" невольно высказываетъ свои сокровенныя думы, побуждающія его ратовать за приходскіе выборы. Онъ боится не епископскаго исключительно надзора за духовенствомъ и не государственнаго обезпеченія духовенства жалованьемъ, а того вліянія на духовно-нравственную жизнь народа, какое пріобрѣтетъ обезпеченное и независимое отъ народа духовенство. Изъ духовенства, говоритъ авторъ, хотятъ „образовать государственное служилое сословіе, чтобы чрезъ посредство его дѣйствовать на народъ, направляя и регулируя духовно-нрав. жизнь послѣдняго" (123 стр.). Но объ опасеніяхъ автора и его многочисленныхъ единомышленниковъ за усиленіе вліянія духовенства на жизнь русскаго народа мы еще будемъ говорить, а здѣсь замѣтимъ, что приносить церковные каноны въ жертву различнымъ соображеніямъ имѣетъ право лишь тотъ, кто ихъ установилъ и, если бы дѣйствительно была опасность, что

духовенство обратится изъ церковнаго въ исключительно государственное служилое сословіе и будетъ служить не цѣлямъ церкви, а исключительно государству, то устранять *могущую* быть аномалію другой аномаліей равносильно тому, какъ если-бы врачъ давалъ больному лекарство, излечивающее его отъ одной болѣзни, но заражающее другой, не менѣе опасной. Не раціональнѣе-ли принимать мѣры, предохраняющія отъ обѣихъ болѣзней—дѣйствительной и ожидаемой, т. е. избавить церковь и отъ дѣйствительнаго нарушенія церкви. каноновъ, что̀ произошло-бы при возстановленіи права приходскихъ выборовъ, и отъ предполагаемаго авторомъ, и первое важнѣе, такъ какъ послѣднее лишь плодъ не въ мѣру разыгравшихся публицистическихъ фантазій.

Выдвинутый съ особою силой и настойчиво обсуждавшійся въ обществѣ и печати вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства былъ предметомъ особеннаго вниманія и правительства, которое еще со времени Петра I-го занято было симъ вопросомъ и различно рѣшало его, какъ бы намѣренно избѣгая прямого пути и идя по извилинамъ до Императора Николая I-го, когда наилучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ обезпеченія духовенства справедливо было признано назначеніе ему постояннаго содержанія изъ казны, для чего и выработаны были Высочайше утвержденные 4 Апрѣля 1842 г. нормальные штаты содержанія духовенства. Отпускъ суммъ изъ казны постепенно увеличивался и къ 1861 г. достигъ до 3,315,000 р. Деньги эти, по мѣрѣ ихъ ассигнованія, распредѣлялись прежде всего на содержаніе духовенства Западнаго края, а потомъ и по остальнымъ окраинамъ Россіи и по Сибири. Но въ 1861 г., подъ вліяніемъ новыхъ либерально-атеистическихъ вѣяній, постепенный отпускъ изъ казны суммъ на содержаніе духовенства въ остальныхъ епархіяхъ Россіи прекратился и правительство снова обратилось къ изысканію мѣстныхъ средствъ для содержанія духовенства, что всегда дѣлалось, когда желали отложить этотъ жгучій церковно-государственный вопросъ въ дальній портфель!.. Правда, Особое Присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства изыскало новый способъ улучшенія быта духовенства—чрезъ преступное предъ душою русскаго народа сокращеніе приходовъ и уменьшеніе числа духовенства, но эта

мѣра тѣмъ только и прославилась, что была мѣрой „*новой*“, да повела къ „новымъ“ печальнымъ послѣдствіямъ въ религіозной жизни русскаго народа; вопросъ же объ улучшеніи матеріальнаго быта приходскаго духовенства остался открытымъ и даже еще болѣе запутаннымъ. Лишь по особымъ обстоятельствамъ отпускались суммы на содержаніе духовенства въ разныхъ мѣстностяхъ, какъ-то: въ прибалтійскомъ западномъ краяхъ и другихъ окраинахъ Россіи: но ядро Европейской Россіи — внутреннія епархіи оставались безъ жалованья и около половины всего приходскаго духовенства вынуждено было содержаться на мѣстныя и епархіальныя средства: „само довольствуясь малымъ и справляясь кое-какъ съ ограниченными нуждами семьи у себя дома, оно, читаемъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора за 1887 г., не въ силахъ содержать дѣтей въ училищахъ и семинаріяхъ: возникающее отъ этого нравственное безпокойство особенно замѣтно въ молодомъ и среднемъ поколѣніи духовенства и съ продолженіемъ времени это смущеніе все болѣе и болѣе овладѣваетъ духовенствомъ“. Причиной особенно бѣдственнаго положенія приходскаго духовенства центральной Россіи синодальный оберъ-прокуроръ въ своемъ отчетѣ за 1888—89 гг. признавалъ уклоненіе правительства съ пути, указаннаго Императоромъ Николаемъ I. „Если-бы, пишетъ онъ, въ царствованіе Императора Александра II-го правительство продолжало идти по указанному пути, то въ настоящее время духовенство уже всѣхъ епархій пользовалось-бы хотя-бы тѣмъ незначительнымъ содержаніемъ, какое установлено было для сельскихъ причтовъ въ 1842 г.“ Далѣе оберъ-прокуроръ отмѣчалъ, что „всѣ другія правительства, равно всѣ комитеты и бывшее Присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства не могли изыскать никакихъ другихъ способовъ къ обезпеченію духовенства. Очевидно, что и въ будущемъ невозможно придумать другихъ, болѣе дѣйствительныхъ способовъ къ этому, кромѣ возстановленія того порядка, какой былъ установленъ Императоромъ Николаемъ I-мъ, т.-е. постепеннаго отпуска изъ казны въ распоряженіе Святѣйшаго Синода хотя-бы по 100,000 р. въ годъ дотолѣ, пока будетъ назначено содержаніе духовенству во всѣхъ епархіяхъ Россіи. Достиженіе этой цѣли устранило-бы и ту вопіющую аномалію, по которой въ

настоящее время большинство духовенства Имперіи не пользуется однимъ изъ существенныхъ правъ, предоставленныхъ всѣмъ, даже самымъ низшимъ органамъ правительственной власти".

Государь Императоръ Александръ III на семъ отчетѣ изволилъ начертать: *„въ высшей степени желательно возстановить этотъ порядокъ"*.

Въ исполненіе Высочайшей воли внесено было въ Государственный Совѣтъ представленіе синодальнаго Об. Прокурора объ ассигнованіи въ 1893 г. изъ казны на содержаніе духовенства 250,000 р. и о дальнѣйшемъ произведеніи дополнительныхъ ассигнованій дотолѣ, пока будетъ обезпечено содержаніемъ православное духовенство во всей Россіи.

Представленіе это было принято и Высочайше утверждено 28 дек. 1892 г. Все духовенство приняло вѣсть о Монаршей милости съ искренней радостію и молитвою за Государя. На всеподданнѣйшемъ адресѣ Св. Синода съ выраженіемъ благодарныхъ чувствъ по сему случаю Государю Императору благоугодно было начертать новыя милостивыя и утѣшительныя для духовенства слова: *„сердечно благодарю Синодъ за выраженныя чувства. Буду вполнѣ радъ, когда мнѣ удастся обезпечить все сельское духовенство"*. Полученныя въ 1893 г. 250,000 р. были распредѣлены въ 27-ми епархіяхъ между 592-мя бѣднѣйшими причтами, не получавшими доселѣ никакого содержанія ни отъ казны, ни изъ спеціальныхъ суммъ Синода и жившими только на мѣстныхъ доходахъ въ размѣрѣ менѣе 300 р. въ годъ. Въ 1894 г. полученные 500,000 р. распредѣлены между 1,314 такими же причтами 55 епархій и Грузинскаго экзархата.

Подлинно русская печать съ рѣдкимъ единодушіемъ привѣтствовала эту правительственную мѣру, выставляя на видъ, что она удовлетворила національное чувство. Такъ, *„Новое Время"* (№ 6,115; 1893 г.), раскрывая значеніе знаменательныхъ словъ Государя на адресѣ Синода не съ церковной только стороны, но и общественной, такъ какъ ими обезпеченіе сельскаго духовенства вводится сполна въ кругъ задачъ государственныхъ и такимъ образомъ въ принципѣ разрѣшается одинъ изъ самыхъ больныхъ и застарѣлыхъ вопросовъ,— проводило параллель между положеніемъ духовенства православнаго и духовенства инославнаго, даже ино-

вѣрнаго: „во всѣхъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, имѣющихъ въ Россіи своихъ послѣдователей, даже нехристіанъ, какъ магометане, евреи, язычники,— положеніе духовенства, или того класса людей, который ему соотвѣтствуетъ въ нехристіанскихъ религіяхъ, гораздо лучше обезпечено и независимо въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ православное сельское наше духовенство—служители господствующей Церкви. Вѣдь это невозможное положеніе! Объ немъ говорить совѣстно, когда вспомнишь, какую жалкую участь влачитъ наше сельское духовенство, вслѣдствіе своей необезпеченности въ средствахъ жизни. На опытѣ другихъ христіанскихъ исповѣданій, гдѣ духовенство поставлено гораздо лучше, даже у насъ-же въ Россіи, мы видимъ, какъ высоко можетъ стоять престижъ священника среди его духовной паствы,— какъ отношенія къ паствѣ складываются такимъ образомъ. А это нравственное руководительство духовенства въ народной массѣ, гдѣ религіозная жизнь составляетъ основную воспитательную стихію,—какой это могущественный дѣятель не только въ народной, но и во всей государственной жизни!“ „*Русская жизнь*“, по достоинству оцѣнивая важность мѣры съ точки зрѣнія деревни, въ то-же время высказываетъ пожеланіе, чтобы она проведена была въ должной полнотѣ: „несомнѣнно, это одна изъ реформъ въ области деревенской общественной жизни, могущихъ обезпечить наличность того моральнаго авторитета, который не можетъ быть замѣненъ никакой близкой свѣтской властью. Желательно было-бы сократить срокъ, въ теченіе котораго все духовенство можетъ быть переведено на жалованье. Мы говоримъ о *переводѣ на жалованье*, а не о пособіяхъ изъ казны къ доброхотнымъ приношеніямъ гражданъ. Размѣры жалованья должны достигать такой величины, при которой-бы духовенству не было никакой надобности заниматься чѣмъ-либо не вытекающимъ изъ прямого призванія. Мало того, духовенство должно быть обезпечено жалованьемъ вполнѣ прилично. Думаемъ, что двухъ мнѣній не можетъ быть о томъ, кто долженъ быть лучше обезпеченъ въ деревнѣ: становой приставъ или священникъ“.

Правительственная помощь духовенству въ прошлое царствованіе пошла и далѣе. Правительство приняло на себя и выдачу *пенсій* священнослужителямъ за епархіал. службу и

ихъ семействамъ за службу ихъ отцовъ. Высочайшее повелѣніе о томъ состоялось 2 іюня 1887 г... До этого-же времени назначеніе и выдача пенсій духовенству протекали при тяжелыхъ условіяхъ. Пенсіи, притомъ въ небольшихъ размѣрахъ, назначались только за 35 лѣтъ, а полученіе ихъ затруднялось скудостью отпускаемаго для того въ распоряженіе Синода кредита въ размѣрѣ 345, 660 руб. въ годъ; вслѣдствіе этого многія лица, выслужившія пенсію, принуждены были ждать очереди на ея полученіе: а очередь эта зависѣла отъ убыли или смерти пенсіонеровъ: между тѣмъ прибыль новыхъ пенсіонеровъ превышала убыль послѣднихъ къ 1886 г. не получившихъ пенсій пенсіонеровъ было 845 чел.! Законъ 2 іюня 1887 г. сразу уничтожилъ эти ненормальности въ пенсіонномъ вопросѣ и производство пенсій было принято на счетъ общаго пенсіоннаго кредита государственнаго казначейства на общихъ основаніяхъ и правилахъ пенсіоннаго устава.

Вскорѣ послѣ сего, уже Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 18 ноября 1891 г. православному епархіальному духовенству были предоставлены права на зачисленіе законоучителямъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просвѣщ. и военнаго прежней епархіальной службы ихъ въ учебную для полученія ими права на пенсіи по учебной части.

Реформы коснулись и жизни военнаго духовенства. Въ этой сферѣ за минувшее царствованіе произошли отрадныя перемѣны въ управленіи, правахъ и преимуществахъ военнаго духовенства. Прежде военное духовенство дѣлилось на два вѣдомства и состояло подъ управленіемъ двухъ начальниковъ: главнаго священника гвардіи и гренадеръ и главнаго священника арміи и флота. Тотъ и другой управляли подвѣдомственнымъ имъ духовенствомъ независимо другъ отъ друга и сами они, вопреки церковнымъ канонамъ, находились въ большей или меньшей независимости отъ высшей церковной или мѣстной епархіальной власти. По смерти протопресвитера Бажанова († 31 іюля 1883 г.), управленіе духовенствомъ гвардіи и гренадеръ было поручено главному священнику арміи и флота протоіерею Покровскому, а за смертію послѣдняго († 25 февр. 1888 г.), завѣдываніе всѣмъ военнымъ духовенствомъ сосредоточено было въ лицѣ одного „Главнаго священника гвардіи, гренадеръ, арміи и флота". Высо-

чайше утвержденнымъ 12 іюня 1890 г. положеніемъ о военномъ духовенствѣ соединеніе прежнихъ двухъ вѣдомствъ въ одно было подтверждено и прежній главный начальникъ его получилъ названіе „протопресвитера военнаго и морского духовенства". По этому положенію протопресвитеръ состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Св. Синода, отъ него получаетъ указы по дѣламъ церковнаго управленія и представляетъ ему ежегодные отчеты; члены учрежденнаго при немъ духовнаго правленія и дѣлопроизводитель канцеляріи его утверждаются и увольняются Синодомъ; церкви и духовенство, состоя подъ управленіемъ протопресвитера, въ то-же время находятся въ ближайшемъ завѣдываніи мѣстнаго епархіальнаго начальства: дѣла о проступкахъ и преступленіяхъ духовныхъ лицъ означеннаго вѣдомства подлежатъ по своему характеру суду или епархіальнаго архіерея или протопресвитера. 24 іюня 1887 г. Высочайше утверждено было *новое* положеніе о правахъ и преимуществахъ военнаго духовенства. Служебныя права его возвышены соотвѣтственно его положенію; оклады содержанія его увеличены, причемъ священники получаютъ права на прибавку жалованья за первыя 10 л. службы—$^1/_4$ оклада, за вторыя 10 л.—$^1/_2$ оклада; имъ дано право на разные виды довольствія, наравнѣ съ другими военнослужащими. Наконецъ, 15 янв. 1890 г. военному духовенству за выслугу лѣтъ дано право на полученіе ордена св. Владиміра 4 ст. съ надписью „25 лѣтъ" и „35 лѣтъ", съ зачетомъ въ его службу и прежнихъ лѣтъ епархіальной службы, если кто-либо изъ нея перейдетъ въ военное вѣдомство.

Въ рядахъ православнаго духовенства въ Россіи числится и духовенство монашествующее. А въ числѣ религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій на Руси издавна занимаютъ почетнѣйшее мѣсто православные монастыри. По состоянію русскихъ монастырей легко судить о состояніи и направленіи религіознаго міровоззрѣнія русскаго народа. Въ самый короткій періодъ времени, всего за 10 лѣтъ минувшаго царствованія, число монастырей въ Россіи увеличилось на 106: 46 мужскихъ и 60 женскихъ. Такого явленія не знала дотолѣ исторія русской церкви. И оно то и является самымъ

значительнымъ и отраднѣйшимъ показателемъ подлиннаго оживленія религіозныхъ чувствъ въ православномъ русскомъ народѣ. Замѣчательно и то, что ростъ женскихъ монастырей далеко превзошелъ собою умноженіе монастырей мужскихъ: число же монахинь почти сравнялось съ числомъ монаховъ, а число послушницъ и значительно превысило число послушниковъ. Это явленіе ярко говоритъ о сильномъ подъемѣ религіознаго настроенія русской женщины, особенно изъ крестьянской среды, откуда главнымъ образомъ набирался въ монастыряхъ составъ молодыхъ послушницъ, оставляющихъ свою семью, родное гнѣздо и „сельскій дымъ" для кельи, для тяжелаго труда монастырской послушницы, сборщицы и пр. (основываемся на статистическихъ данныхъ, приведенныхъ въ статьяхъ г. Преображенскаго въ „Церк. Вѣдом." за 1894 г. №№ 6 и 14, восполняющихъ данныя отчетовъ Синод. об. прок. *за 1881* и *1891 годы*).

Правда, на приливъ въ монастыри насельницъ селъ и деревень вліяетъ и печальный разбродъ крестьянскихъ семействъ, когда нерѣдко большинство мужского населенія уходитъ изъ селъ и деревень на „отхожіе промыслы" на заводы, шахты, фабрики, и оставляетъ дома своихъ женъ и дѣтей на много лѣтъ *однихъ*, часто безъ призрѣнія и помощи. Такъ или иначе, но быстрый ростъ монастырей и особенно женскихъ несомнѣнно вызванъ былъ запросами жизни, несомнѣнно онъ давалъ этимъ запросамъ духовное удовлетвореніе и потому его должно только привѣтствовать и оказывать ему всяческую поддержку. Иначе, духовный гладъ народныхъ массъ, за отсутствіемъ удовлетворенія себѣ въ нѣдрахъ православныхъ, поведетъ эти массы въ дебри раскольничьихъ скитовъ, или, что неизмѣримо хуже, на радѣнія сектантовъ-мистиковъ и въ объятія разныхъ проходимцевъ—святошъ: мірскихъ „старцевъ", „братцевъ", и т. п.

Духовная власть за означенный періодъ принимала усѣнныя мѣры и къ благоустроенію монастырей. Въ этомъ направленіи выдается указъ Св. Синода 1892 г. о монастырскомъ хозяйствѣ. Но особенно отрадны заботы духовной власти о привлеченіи монастырей къ открытой общественной благотворительной и просвѣтительной дѣятельности. Всѣ монастыри, владѣющіе болѣе или менѣе достаточными средствами, привлекались къ устройству у себѣ тѣхъ или дру-

гихъ благотворительныхъ заведеній страннопріимныхъ домовъ, пріютовъ для сиротъ, богадѣленъ, больницъ и школъ; а нѣкоторые новые монастыри на окраинахъ Россіи устраивались съ прямою цѣлью поддерживать и распространять въ мѣстномъ краѣ православіе. Нѣтъ нужды подробно говорить о просвѣтительномъ вліяніи многочисленныхъ русскихъ монастырей. Духъ христіанскаго подвижничества, духъ истинной вѣры и строгаго благочестія доселѣ развивается въ разныхъ слояхъ православнаго русскаго общества нашими монастырями. И на этой нивѣ подвизаются не только извѣстные старцы—подвижники, какъ бывшій Тамбовск. епископъ—затворникъ Ѳеофанъ († 6 янв. 1894 г.) и схимники Оптинской пустыни, но и многочисленные неизвѣстные или малоизвѣстные *всему* русскому міру иноки, вдали отъ міра совершающіе свой подвигъ и всегда съ любовью встрѣчающіе идущихъ къ нимъ за наставленіями и совѣтами міранъ. Не напрасно замѣчательный психологъ и сердцевѣдъ русскаго народа Ѳ. М. Достоевскій запечатлѣлъ чудный типъ инока-учителя въ своемъ дивномъ романѣ: „Братья Карамазовы",— въ портретѣ старца Зосимы.

Религіозное возбужденіе, охватившее собою русское общество въ минувшее царствованіе, естественно вызывало русское духовенство къ усиленной пастырской просвѣтительной дѣятельности. Но одного желанія дѣйствовать мало: чтобы стоять на высотѣ своего призванія нужно понять жизненные запросы и потребности и имѣть возможность удовлетворить ихъ. Съ этой цѣлью въ разсадникахъ будущихъ пастырей и учителей—въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ были произведены немаловажныя перемѣны, направленныя къ большему приспособленію ихъ къ жизненнымъ запросамъ и потребностямъ времени. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе изданіе въ 1884 г. новыхъ уставовъ и штатовъ для духовно-учебныхъ заведеній. Не говоря о значительныхъ административныхъ перемѣнахъ, произведенныхъ сими уставами въ жизни духовно-учебныхъ заведеній, перемѣнахъ, направленныхъ главнымъ образомъ къ устраненію дефектовъ свободы и выборнаго начала во внутреннемъ управленіи и установленію надлежащихъ отношеній между начальствующими и учащими, остановимся на перемѣнахъ въ учебно-воспитательной части сихъ заведеній. При пересмотрѣ

уставовъ-духовно учебныхъ заведеній найдено, что общеобразовательные предметы преобладаютъ надъ богословскими, почему и является оскудѣніе въ воспитанникахъ духа церковности и охлажденіе къ духовному званію. Въ воспитательной же части усмотрѣно отсутствіе живаго и руководящаго воздѣйствія на учащихся со стороны начальствующихъ и учащихъ (Отч. Об. Проп. 1884 г. стр. 15-я). Съ цѣлью устраненія означенныхъ недостатковъ новыми уставами усиленъ кругъ общеобязательныхъ для всѣхъ студентовъ духовныхъ академій богословскихъ и церковно-историческихъ наукъ, а въ Казанской Академіи, кромѣ того, по мѣстнымъ нуждамъ, открыто особое миссіонерское отдѣленіе съ изученіемъ татарскаго и монгольскаго языковъ. Въ духовныхъ семинаріяхъ обращено особое вниманіе на усиленіе уроковъ по богословскимъ предметамъ, особенно по Св. Писанію и Церк. Исторіи; въ преподаваніе введены: Библ. Исторія, Обличеніе русск. раскола и Сравнительное Богословіе; церковное пѣніе признано общеобязательнымъ во всѣхъ классахъ; убавлено число уроковъ по классическимъ языкамъ и увеличено—по русской словесности и пр.... Въ духовныхъ училищахъ усилено преподаваніе по русскому и церковно-славянскому языкамъ и изученіе церковнаго пѣнія и церковной службы. Современемъ, вслѣдствіе выдвинутыхъ жизнію новыхъ запросовъ, въ уставахъ 1884 г. были сдѣланы нѣкоторыя дополненія и измѣненія. Такъ, въ число общеобязательныхъ предметовъ академическаго образованія въ 1885 г. въ С.-Петербургской академіи введена новая наука—исторія Славянскихъ церквей, а въ 1888 г. для 1-го курса всѣхъ академій введено изученіе Еврейскаго языка: при миссіонерскомъ отдѣленіи въ Казанской Академіи въ 1889 г. открыты сокращенные 2-хъ годичные курсы и для лицъ постороннихъ, готовящихся къ миссіонерской дѣятельности. Для нѣкоторыхъ семинарій признано общеобязательнымъ изученіе мѣстныхъ и инородческихъ языковъ, для Рижской—эстонскаго и латышскаго, затѣмъ и нѣмецкаго, для Оренбургской—татарскаго и арабскаго, также исторіи и обличенія мусульманства, для чего здѣсь отмѣнено было изученіе древнихъ классическихъ языковъ. Опредѣленіемъ Синода отъ 28 іюля 1886 г. открытіе въ семинаріяхъ каѳедръ по исторіи и обличенію раскола и мѣстныхъ сектъ, возложенное на мѣстныя средства епархіи, теперь признано обязательнымъ для

всѣхъ семинарій и отнесено на средства синодальныя; на штатныхъ преподавателей по этимъ предметамъ возложена обязанность вести открытыя вѣклассныя собесѣдованія съ раскольниками и сектантами, на которыхъ воспитанники практически знакомились-бы съ пріемами полемики. Для той-же цѣли при Подольской духовной семинаріи открыты въ 1891 г. особые практическіе миссіонерскіе курсы въ видѣ опыта для подготовки пастырей къ борьбѣ съ усилившеюся штундой. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ введено ознакомленіе съ народною медициною и гигіеною, изученіе живописи и иконописанія. Для усиленія духа церковности въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Синодомъ неоднократно издавались циркулярныя предписанія о неопустительномъ посѣщеніи въ положенное время учащимися своихъ храмовъ Божіихъ, о чинномъ отправленіи въ нихъ церковнаго богослуженія, личномъ участіи воспитанниковъ въ отправленіи церковной службы, въ церковномъ чтеніи и пѣніи, о неотложномъ исполненіи ими этого долга и во время отпуска на зимніе и лѣтніе каникулы. Съ тою-же цѣлью указомъ 1886 г. учащимся строго воспрещено принимать безъ разрѣшенія начальства какое-либо участіе въ чествованіяхъ, носящихъ публичный характеръ, и держать у себя огнестрѣльное и вообще всякое оружіе. Для усиленія религіозно-нравственнаго воспитанія учреждена должность семинарскихъ духовниковъ, которые вмѣстѣ съ исправленіемъ богослуженія въ семинарской церкви имѣютъ право вести и особыя духовныя бесѣды съ учениками.

Дѣятельность этихъ разсадниковъ духовнаго просвѣщенія на Руси обратила на себя вниманіе русскаго общества и въ духовныя школы все чаще и чаще стали поступать дѣти изъ разныхъ сословій: иныя для полученія образованія, а другія и для поступленія на службу священно-и церковно-служителей. Кромѣ того, въ духовныхъ академіяхъ съ 90-хъ годовъ замѣчается усиленный наплывъ иностранцевъ: славянъ, румынъ, грековъ, сирійцевъ, японцевъ..., чрезъ что дѣятельность сихъ школъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ вселенскій, какъ направленная на пользу не русской только, но повсемѣстной церкви православной. Усиливающееся значеніе духовныхъ школъ было главной причиной увеличенія имъ пособія изъ Государственнаго Казначейства въ размѣрѣ

100,000 ежегодно, начиная съ 1893 г. Въ то же время Правительство пришло съ помощью и къ труженикамъ на духовно-учебной нивѣ. Еще въ 1866 г. оно открыто высказало свое желаніе сравнять въ окладахъ содержанія и пенсіяхъ начальствующихъ и учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ съ соотвѣтствующими имъ лицами въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но это желаніе оставалось далеко не выполненнымъ: изданными въ 1869 и 1884 г. штатами для духовно-учебныхъ заведеній содержаніе вышеупомянутыхъ лицъ нѣсколько возвышено и относительно преподавателей въ духовныхъ академіяхъ приближено къ содержанію преподавателей въ Университетахъ, но для служащихъ въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ оно было еще далеко до уравненія ихъ правъ съ служащими въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Вопросъ объ увеличеніи имъ окладовъ содержанія и пенсій за духовно-учебную службу былъ разрѣшенъ лишь въ концѣ минувшаго царствованія. Высочайшимъ повелѣніемъ 25 іюля 1894 г. Этотъ знакъ вниманія въ Бозѣ Почившаго Государя къ труженикамъ духовной науки и религіознаго просвѣщенія былъ признаніемъ за духовно-учебными заведеніями того значенія и роли, которую играютъ въ дѣлѣ служенія отечеству общеобразовательныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Обозрѣвая пастыре-учительную дѣятельность русскаго православнаго духовенства въ минувшее царствованіе, мы видимъ, что она была весьма напряженной и разнообразной. Начало ей положилъ Св. Синодъ изданіемъ послѣ 1 марта 1881 г. пастырскаго посланія съ призывомъ къ общему нравственному и религіозному исправленію, къ просвѣщенію въ духѣ православія и церковности. Вслѣдъ за этимъ посланіемъ потекли и другія Синодальныя посланія въ томъ-же духѣ. А за Св. Синодомъ и епархіальные преосвященные, по мѣстамъ, возобновили древній способъ пастырскаго воздѣйствія на своихъ пасомыхъ, состоящій въ преподаваніи наставленій, увѣщаній и утѣшеній посредствомъ пастырскихъ посланій. Получила болѣе широкое развитіе и церковная проповѣдь, принявшая и болѣе жизненное направленіе, соотвѣтственно запросамъ слушателей. Оживилась и печатная проповѣдь, особенно въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ: появились и отдѣльные сборники церковныхъ проповѣдей. Изданныя же

Св. Синодомъ руководственныя наставленія относительно проповѣдей по поводу общественныхъ событій или кончины общественныхъ дѣятелей свидѣтельствуютъ и о нѣкоторомъ излишнемъ увлеченіи проповѣдниковъ современностію въ ущербъ христіанскому назиданію. Стала раздаваться проповѣдь и во внѣбогослужебное время, между утренней и обѣдней, передъ вечерней и послѣ нея: изъ церквей она перешла и въ общественныя собранія и частные домы и вездѣ привлекала къ себѣ слушателей изъ всѣхъ слоевъ общества; въ городахъ и селахъ народъ въ большомъ количествѣ съ любовію собирался на внѣбогослужебныя бесѣды религіозно-проповѣдническаго характера.

Но самыми главными и наиболѣе выдающимися сторонниками церковно-учительной дѣятельности духовенства въ минувшее царствованіе служили труды его прежде всего по устройству *церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности*.

Ростъ церковно-школьнаго дѣла въ Россіи начинается съ 1836 г., когда Высочайшею Волею православное духовенство было привлечено къ открытію при церквахъ и монастыряхъ школъ для наставленія дѣтей поселянъ въ Законѣ Божіемъ, чтеніи, письмѣ и необходимыхъ первоначальныхъ свѣдѣніяхъ. Но развитіе грамотности въ народѣ встрѣтило непреоборимыя препятствія въ крѣпостномъ правѣ, по которому крестьяне являлись собственностью помѣщиковъ. Послѣднимъ-же невыгодно было лишать себя плодовъ даровaго труда и отдавать рабочее время своихъ крестьянъ на обученіе ихъ грамотѣ. Да и помимо экономическихъ соображеній были и другія причины, по коимъ русскимъ помѣщикамъ невыгодно было просвѣщать своихъ крестьянъ. Извѣстно, что невѣжество всегда можетъ быть наибезопаснѣе эксплоатируемо. Между тѣмъ православное приходское духовенство не могло дѣйствовать самостоятельно, ибо и само находилось подъ гнетомъ, и правовымъ и матеріальнымъ, крѣпостнаго барства, и по-неволѣ должно было блюсти интересы помѣщиковъ.

Къ тому-же въ обществѣ и въ прессѣ 50-хъ годовъ шли оживленные споры на темы: не вредна ли грамотность крестьянамъ, не ухудшится ли ихъ экономическое положеніе отъ грамотности и не понизится ли отъ грамоты даже народная нравственность?! Такимъ образомъ, до освобожденія

крестьянъ верховной властью, въ настроеніи верхнихъ и культурныхъ слоевъ русскаго общества все было не въ пользу народнаго образованія. Въ началѣ 60-хъ год. вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, правительство признало необходимымъ даровать своимъ массамъ и другое важное гражданское право право на полученіе образованія. Съ этого времени начальное народное образованіе становится государственнымъ дѣломъ первостепенной важности, начинаетъ разрабатываться въ русской литературѣ и вызываетъ къ дѣятельности русскихъ педагоговъ. Первыми самостоятельными дѣятелями въ педагогической литературѣ были: К. Д. Ушинскій и гр. Л. Н. Толстой. Ушинскій предостерегалъ отъ увлеченія нѣмецкой педагогикой, отъ того раціонализма, который содержится въ философской подкладкѣ произведеній нѣмецкой педагогической литературы. Графъ-же Л. Толстой первый возсталъ противъ слѣпого увлеченія новыми пріемами и способами обученія. Но это были одинокіе русскіе голоса среди толпы модныхъ „извѣстныхъ педагоговъ", по большей части чужеземцевъ или по фамиліи, или по духу. Они наводнили нашу юную педагогическую литературу переводными съ нѣмецкаго педагогиками и дидактиками, статьями изъ нѣмецкихъ журналовъ и проч., хотя все же допустили и книги, составленныя по Ушинскому и Толстому для чтенія въ народныхъ школахъ. Въ началѣ 80-хъ г. въ газетѣ „День" появились скромныя „Замѣтки сельскаго учителя" С. А. Рачинскаго; это было такъ долго жданное „новое слово" русской педагогической литературы. Талантливо написанныя, задушевныя и увлекательныя „Замѣтки" эти открыли новый живой міръ крестьянскихъ дѣтей, показали новый образчикъ настоящей русской школы, въ которой рядомъ съ Закономъ Божіимъ высоко были поставлены славянскій языкъ и церковное пѣніе и гдѣ вся атмосфера школы была пропитана искренней и сердечной православной церковностью. Съ этого времени Татевская школа С. Рачинскаго занимаетъ почетное мѣсто въ развитіи нашего народнаго образованія и представляетъ собою *первый* положительный образецъ русской народной школы.

Въ то время, какъ въ педагогической литературѣ вырабатывался типъ русской народной школы, первымъ практическимъ дѣятелемъ на нивѣ народнаго просвѣщенія, какъ

искони то̀ было на Руси, являлось духовенство и безъ всякаго вознагражденія, съ жертвою изъ своихъ скудныхъ средствъ, открывало множество народныхъ школъ и „обнаружило такія учительскія силы, какихъ тщетно было-бы ожидать отъ какого-либо другого вѣдомства или учрежденія“ (отч. Об. Прок. за 1861 г.). Быстрый ростъ церковно-приходскихъ школъ сначала въ Юго-Зап. и Сѣв.-Зап., а затѣмъ и Средней Россіи возбудилъ опасенія въ противорусскихъ и противоправославныхъ обитателяхъ Россіи, которые во вліяніи духовенства на народъ увидѣли могущественное препятствіе къ осуществленію своихъ политическихъ замысловъ. И вотъ загорается сыръ боръ. Уже съ конца 1861 г. стали все сильнѣе и сильнѣе раздаваться требованія, чтобы церк.-приходскія школы были переданы въ вѣдѣніе Мин. Нар. Просвѣщенія. Слѣдствіемъ сего явились Высоч. Утвержденныя 18 янв. 1862 г. временныя правила, которыми открытіе начальныхъ народныхъ школъ предоставлено какъ духовному вѣдомству, такъ и вѣдомству Мин. Нар. Просвѣщенія. Но, всматриваясь въ дѣятельность различныхъ вѣдомствъ на Руси, съ увѣренностію можно было сказать, что раздѣленіе дѣла народнаго образованія между двумя вѣдомствами непремѣнно возбудитъ между ними борьбу и приведетъ къ печальнымъ для самаго дѣла результатамъ. По справедливому замѣчанію Кавелина: „вѣдомства у насъ—это державы, состоящія между собою въ дипломатическихъ отношеніяхъ (и какихъ еще тонкихъ!), ведущія другъ съ другомъ переговоры и войны, заключающія оборонительные и наступательные союзы, мирные и иные договоры, причемъ общая польза, нужды государства естественно забываются и отходятъ на второй планъ. Государство, общіе интересы и потребности—это нѣчто далекое, отвлеченное: близкое, доступное, осязаемое — это интересы вѣдомства; всякому изъ нихъ усладительно и, такъ сказать, лестно жить своимъ домкомъ, въ свое удовольствіе: потому-то всякое вѣдомство и смотритъ обыкновенно на общую пользу и выгоды государства съ точки зрѣнія своихъ ближайшихъ интересовъ. Эта точка зрѣнія такъ у насъ укоренилась, что поведи какое-нибудь вѣдомство рѣчь объ общей или государственной пользѣ, ему другія ни за что не повѣрятъ: знаемъ мы, молъ, эту государственную и общественную пользу! Свои дѣла обдѣ-

лываешь и на нашъ счетъ округлиться и выѣзжать хочешь,— вотъ что!“ („Порядокъ“ 81 г.). И дѣйствительно, вслѣдъ за введеніемъ „правилъ 18 янв. 62 г. въ низшихъ сферахъ обоихъ вѣдомствъ зарождается школьная распря и духъ школьнаго антагонизма, постепенно развиваясь, охватываетъ собою и высшія правящія сферы: открывается борьба двухъ вѣдомствъ, изъ коихъ каждое отстаиваетъ: одно, духовное,— свои искконныя, а другое—вновь испеченныя права на исключительное руководство дѣломъ народнаго образованія. Въ 1864 г. выступаетъ новый хозяинъ въ дѣлѣ народнаго образованія—земство и школьная распря достигаетъ своего апогея. Сильно занимавшій общественное мнѣніе и періодическую печать начала 60-хъ г. вопросъ о начальномъ народномъ образованіи получилъ правительственное разрѣшеніе въ формѣ „Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ“ отъ 14 іюл. 1864 г. Съ изданіемъ сего „Положенія“ надежды духовенства на исключительное руководительство народными школами окончательно рушились. Правительство возложило заботы о народномъ образованіи *на самое общество*, предоставивъ полную свободу и отдѣльнымъ вѣдомствамъ, вмѣстѣ и духовному, и частной инициативѣ, и на себя приняло роль руководителя, пособника и примирителя. Для уничтоженія школьнаго антагонизма означеннымъ „Положеніемъ“ были утверждены „Губернскіе и Уѣздные Училищные Совѣты“, которымъ и вручено было завѣдываніе всѣми начальными школами. Предсѣдателемъ „Губернскихъ Училищныхъ Совѣтовъ“ былъ архіерей, и въ Губернскихъ и Уѣздныхъ Совѣтахъ засѣдали съ одинаковыми правами представители всѣхъ элементарныхъ училищъ, какъ казенныхъ, такъ и общественныхъ и частныхъ. Правда, издавая „Положеніе“, государственная власть не думала умалить роль духовенства въ народномъ образованіи, ибо высказалась, что образованіе и воспитаніе народа должно совершаться въ духѣ, основанномъ на религіозныхъ началахъ (ст. 1-я) и что только при непосредственномъ участіи духовенства въ качествѣ преподавателей (ст. 15 и 16) и наблюдателей за всѣми народными школами (ст. 17-я) народное образованіе можетъ получить правильное и успѣшное развитіе. Но земство и Мин. Нар. Просвѣщенія поняли приглашеніе ихъ къ содѣйствію народному образованію въ смыслѣ признанія съ государственныхъ

вершинъ церковно-приходск. школъ неудовлетворительными и духовенства учителями непригодными, а потому, вмѣсто матеріальнаго содѣйствія церковнымъ народнымъ школамъ, сочли лучшимъ открывать свои земскія и министерскія начальныя школы и побуждать духовенство къ передачѣ имъ и церковно-прих. школъ. Въ то-же время Министерство и Земство старались образовать свой собственный контингентъ учителей и съ этою цѣлью стали учреждать учительскія семинаріи. Духовенство-же, не нашедши матеріальной поддержки церковно-приходскимъ школамъ ни въ Земствѣ, ни въ Министерствѣ и, имѣя слабое представительство въ Губернскихъ и Уѣздныхъ Училищныхъ Совѣтахъ, стало передавать свои школы Земству. Подготовлявшееся въ концѣ 60-хъ год. и началѣ 70-хъ г. устраненіе духовенства отъ дѣла народнаго образованія послѣдовало во 2-ой полов. 70-хъ годовъ. 25 дек. 1873 г. на имя Министра Народнаго Просвѣщенія послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ повелѣвалось усугубить рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность обученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Преимущественное-же попеченіе о народномъ образованіи Государь возлагалъ на *дворянское* сословіе, которое и призывалъ стать на стражѣ народной школы. Такимъ образомъ, въ дѣло управленія начальными училищами вводился новый элементъ—дворянство. Съ цѣлью реформировать управленіе народнымъ образованіемъ въ духѣ послѣднихъ повелѣній Государя, составлено было „Новое положеніе о начальныхъ школахъ", Высочайше утвержденное 25 мая 1874 г. Этимъ „Положеніемъ" вся ученая часть въ народныхъ школахъ была передана въ вѣдѣніе Министерства Народн. Просвѣщенія. Въ организаціи Училищныхъ Совѣтовъ были произведены перемѣны; такъ: въ „Губернскихъ Училищныхъ Совѣтахъ" Предсѣдателемъ назначался губернскій предводитель дворянства, вмѣсто бывшаго до сихъ поръ Епархіальнаго Архіерея, а въ Уѣздныхъ—Уѣздный предводитель дворянства, вмѣсто лицъ, избиравшихся совѣтами, вслѣдствіе чего во главѣ многихъ Уѣздныхъ Училищныхъ Совѣтовъ стояли, по избранію, лица изъ среды духовенства. Духовному-же вѣдомству предоставлено было право имѣть лишь

по одному члену въ Губернскомъ и Уѣздныхъ Училищныхъ Совѣтахъ. Епархіальный Архіерей имѣлъ право лишь наблюдать за религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія въ народныхъ школахъ и свои замѣчанія лишь сообщать Министру Нар. Просвѣщенія; также архіерей имѣлъ право наблюдать и за преподаваніемъ Закона Божія, *но* утверждать въ должности законоучителей онъ могъ только тѣхъ лицъ, которыя представлялись ему къ утвержденію инспекторами народныхъ школъ. Словомъ, на дѣлѣ права̀ сводились къ полному безправію. Какой же это архіерей пожелалъ бы тягаться съ Министромъ Народн. Просвѣщенія, который всегда готовъ былъ стать на защиту свѣтской школы отъ „притязаній" де архіерея! А въ отношеніи назначенія законоучителей архіерей ставился въ положеніе: или утверждай представляемаго, или пусть школа остается безъ законоучителя!.. Достойно замѣчанія, что и самое преподаваніе Закона Божія хотя и было предоставлено духовенству, *но не исключительно*. Лица же духовнаго званія могли обучать въ свѣтскихъ народныхъ школахъ другимъ предметамъ, только съ дозволенія инспектора нар. школъ и по годичномъ испытаніи. Понятно, что въ дѣятельности дворянства, Министерства и духовенства не могло быть единодушія: такова̀ ужъ участь русскаго корпоративнаго управленія. Дворянство было недовольно даже законоучительской дѣятельностію духовенства. Стали раздаваться голоса въ пользу допущенія свѣтскихъ лицъ къ преподаванію Зак. Божія въ начальныхъ школахъ. Вопросъ этотъ подвергнутъ былъ даже оффиціальной разработкѣ, но, къ счастью, со смѣной лицъ, стоящихъ во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода, канулъ въ Лѣту.

Школьная распря, возникшая въ началѣ 60-хъ годовъ и достигшая своего апогея къ концу 70-хъ г., весьма гибельно отразилась на церк.-приходскихъ школахъ. Духовенство не встрѣтило сочувствія своей церковно-школьной дѣятельности ни въ Министерствѣ Народн. Просвѣщенія, ни въ земствѣ, ни тѣмъ болѣе въ дворянствѣ. Дворянство-же, захвативъ земство и земскія дѣла почти исключительно въ свои руки, устранивъ на дѣлѣ изъ земства другой земскій элементъ—крестьянство, и обративъ это всесословное по идеѣ учрежденіе на служеніе своимъ узкимъ, сословнымъ

интересамъ, потому особенно сильно возставало противъ духовенства, что видѣло въ немъ соперника себѣ въ дѣлѣ руководительства народомъ и вліянія на него. Вслѣдствіе этого, духовенство, обезсиленное и матеріально и въ правахъ, начало быстро сокращать число церк.-прих. школъ, такъ что изъ 21,000 школъ въ 1865 г.—къ 1881 г. осталось всего до 4,000 школъ.

Въ то время какъ въ литературѣ, земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ и въ вѣдомствѣ Мин. Народн. Просвѣщенія усиленно обсуждался вопросъ объ отнятіи у духовенства права на исключительное преподаваніе Закона Божія въ сельскихъ народныхъ школахъ, въ высшихъ сферахъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ деморализаціи въ религіозномъ и государственномъ отношеніи свѣтской народной школы, отрѣшенной отъ воздѣйствія на нее духовенства, былъ возбужденъ вопросъ о предоставленіи духовенству *преобладающаго* участія въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ Высочайше Утвержденномъ 12 Іюля 1879 г. Положеніи Комитета Министровъ единогласно было сказано, что „духовно-нравственное развитіе народа, составляющее краеугольный камень всего государственнаго строя, не можетъ быть достигнуто безъ предоставленія духовенству преобладающаго участія въ завѣдываніи народными школами, и, если достиженіе сего нынѣ на практикѣ затруднительно, то оно, въ возможно близкомъ будущемъ, должно быть поставлено цѣлью согласованныхъ къ сему стараній Министра Народнаго Просвѣщенія и духовнаго вѣдомства“ (отч. Об. Прок. Св. Син. за 1883 г.). Въ томъ-же 1879 г. и Министръ Нар. Просвѣщенія въ своемъ циркулярѣ по управляемому имъ министерству высказался въ томъ же духѣ, что успѣхи нашей народной школы, по самой задачѣ ея, состоящей въ утвержденіи религіозныхъ и нравственныхъ понятій среди народа, въ значительной степени обусловливаются степенью участія, какое въ введеніи ея принимаетъ наше православное духовенство, посредствомъ-ли открытія своихъ, такъ-называемыхъ, церковно-приходскихъ школъ, путемъ-ли обученія Зак. Божію въ школахъ, устрояемыхъ на средства другихъ вѣдомствъ и сословій, или иными, предоставленными духовенству, способами. Сознавая, что духовенство, по своему умственному развитію и по своей близости къ народу, можетъ оказать ученому вѣ-

домству чрезвычайно важныя услуги, особенно при благопріятныхъ условіяхъ для народно-образовательной дѣятельности самого духовенства и при полной готовности помогать ему на указанномъ поприщѣ со стороны какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ и сословныхъ учрежденій. Министръ Нар. Просвѣщенія считалъ непремѣнною обязанностію ввѣреннаго ему вѣдомства всѣми мѣрами содѣйствовать духовенству въ его школьной дѣятельности и обѣщалъ, что труды, подлежащіе духовенству въ дѣлѣ народнаго образованія, не останутся на будущее время безъ матеріальнаго въ соотвѣтствующей мѣрѣ постояннаго вознагражденія изъ суммъ Государственнаго Казначейства. Въ виду подобныхъ соображеній Министръ Народ. Просвѣщенія своимъ циркуляромъ приглашалъ Управленія Учебныхъ Округовъ, а также Училищные Совѣты, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, чтобы они во всѣхъ случаяхъ, касающихся православнаго духовенства по народнымъ школамъ, *неуклонно* обращались къ нему по исполненію лежащихъ на немъ обязанностей и заботились о томъ, чтобы мѣстныя спеціальныя начальства и находящееся въ ихъ вѣдѣніи приходское духовенство имѣли ближайшее участіе и пользовались подобающимъ имъ значеніемъ въ школьномъ образованіи и развитіи народа („Странникъ" 1890 г. Апр. стр. 604). Циркуляръ Министра Нар. Просвѣщенія не имѣлъ на дѣлѣ существенно-важнаго значенія для духовенства: отношеніе свѣтской школьной администраціи къ духовенству ничуть не улучшилось, а нѣкоторые училищные Совѣты заявили, что они и впредь намѣрены руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству прежними соображеніями. Тогда высшее правительство въ видахъ усиленія вліянія духовенства на народное образованіе признало полезнымъ снова поднять вопросъ о расширеніи вліянія духовенства на народное образованіе. При обсужденіи сего вопроса въ засѣданіи Комитета Министровъ 17 Мар. 1881 г., бывшій министръ финансовъ Абаза заявилъ, что „преслѣдуемая правительствомъ цѣль—доставить народной школѣ нравственно-религіозное основаніе—столь неоспоримо вѣрна и составляетъ вопросъ такой первостепенной важности, что министръ финансовъ, даже при самомъ неблагопріятномъ состояніи Государ. Казначейства, счелъ-бы себя обязаннымъ

изыскать потребныя на то денежныя средства". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ мнѣніе, что „православное духовенство ближе подходитъ подъ условія, соотвѣтствующія его назначенію, въ качествѣ руководителя начальныхъ народныхъ училищъ, чѣмъ учители и учительницы народныхъ школъ, среди коихъ нерѣдко возникали самые вредные и опасные для общества элементы; посему министръ финансовъ находитъ совершенно справедливымъ и цѣлесообразнымъ, чтобы духовенству была оказываема, въ предѣлахъ возможности, потребная, со стороны Государственнаго Казначейства, денежная поддержка". Находя, что вліяніе духовенства должно распространяться на всѣ виды элементарныхъ училищъ, Комитетъ Министровъ усматривалъ, что, при неуклонномъ своемъ стремленіи доставить духовенству надлежащее участіе въ религіозно-нравственномъ направленіи начальнаго народнаго обученія, правительство постоянно руководствовалось тѣмъ соображеніемъ, что возможно полное практическое осуществленіе таковой задачи достижимо лишь при условіи мѣропріятій, которыя относились-бы ко всѣмъ элементарнымъ школамъ въ ихъ совокупности [1]). Это было заключительнымъ аккордомъ царствованія Императора Александра II-го: правительство признало, хотя и послѣ долгаго и тяжкаго опыта, за церковно-народной школой болѣе гарантій для правильнаго образованія, чѣмъ за свѣтскими школами, и это признаніе отразилось въ стараніяхъ правительства усилить религіозно-нравственное воспитаніе народа посредствомъ церковно-приходскихъ школъ. Такъ называемая „раціональная" школа, цѣликомъ перенесенная на русскую почву съ злосчастнаго для Руси запада, принесла съ собою столько зла, растлѣвающаго здоровый религіозно-нравственный организмъ русскаго народа, инстинктивно сторонившагося отъ нея, что заботы о возстановленіи церковно-приходскихъ школъ съ ихъ исторически засвидѣтельствованною благотворностью въ религіозно-нравственномъ и ум-

[1]) Оффиціальная записка по вопросу объ обезпеченіи за правосл. духовенствомъ надлежащаго участія въ дѣлѣ народн. образованія 1894 г. стр. 5-я. Хотя приведенное положеніе Комитета Министровъ Высочайше Утверждено 17 Мр. 81 г., т. е. спустя уже болѣе 2-хъ недѣль послѣ кончины Царя Освободителя († 1 Мр.), однако оно всѣмъ своимъ внутреннимъ содержаніемъ относится къ прошлому царствованію.

ственномъ развитіи народа были великимъ шагомъ къ оздоровленію народнаго организма. Ужасное событіе 1 Мр. 1881 г. еще глубже раскрыло язвы современнаго общества и сильнѣе побудило правительство привлечь духовенство не только къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія, но и предоставить ему преобладающее вліяніе въ воспитаніи народа въ духѣ православной вѣры и благочестія. Не смотря на такое желаніе высшаго правительства, Министръ Народнаго Просвѣщенія баронъ Николаи выступилъ въ Комитетѣ Министровъ съ довольно таки непонятнымъ представленіемъ (отъ 10 Дек. 81 г.) объ отстраненіи духовенства отъ преподаванія въ народныхъ школахъ не только предметовъ свѣтскихъ, но и Закона Божія! Въ означенномъ представленіи бар. Николаи предлагалъ преподаваніе Закона Божія поручить учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ, а приходскому священнику оставить только *наблюденіе* за этимъ преподаваніемъ, въ качествѣ визитатора, по лютеранскому образцу. Но, какъ-бы въ отвѣтъ на эти полныя мрака старанія барона Николаи, Комитетъ Министровъ, въ видахъ расширенія вліянія духовенства на народное образованіе, призналъ полезнымъ и своевременнымъ поднять вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ, позаботиться объ увеличеніи количества этихъ школъ и дать духовенству необходимыя для того средства изъ суммъ Государственнаго Казначейства. Подробная разработка этого вопроса, по Высочайше Утвержденному 26 янв. 1882 г. Положенію Комитета Министровъ, предоставлена была Синодальному Оберъ-Прокурору, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами.

Извѣстная часть свѣтской прессы, какъ и слѣдовало ожидать, отнеслась ко всему этому весьма несочувственно. Мы уже имѣли возможность убѣдиться, что характеръ отношеній большинства свѣтскихъ изданій къ духовенству и его школьной дѣятельности въ значительной степени обусловливался опасеніями публицистовъ усиленія того вліянія на народную жизнь, какое могло пріобрѣсти духовенство путемъ обученія грамотѣ крестьянскихъ дѣтей въ своихъ церковно-приходскихъ школахъ. Публицистика была вѣрнымъ отображеніемъ различныхъ тенденцій, лежавшихъ въ основѣ школьной распри, возникшей въ 60-хъ годахъ, особенно въ Кіевскомъ Учебн. Округѣ, благодаря главнымъ образомъ ми-

ровымъ посредникамъ, людямъ въ большинствѣ случаевъ противоправославнаго и противорусскаго направленія, и усиленно поддержанной земствами, особенно со времени усиленія въ нихъ дворянскаго элемента, всячески старавшагося сохранить за собою отошедшую въ область темныхъ преданій власть надъ крестьяниномъ. Съ цѣлью устранить духовенство отъ руководительства начальнымъ народнымъ образованіемъ въ свѣтской журналистикѣ, любящей драпироваться въ тогу краснаго словца, за которымъ, нерѣдко, скрывается старый хламъ, неприбранный послѣ разгрома крѣпостнаго права,—усиленно заговорили *о клерикализмѣ* русскаго православнаго духовенства. Это обвиненіе не было чѣмъ-либо новымъ въ свѣтской печати 80-хъ годовъ. Еще въ 1869 г. „Биржевыя Вѣдомости" (№ 238) писали: „одно изъ созданій нашей публицистической фантазіи составляетъ русскій клерикализмъ. Когда за рѣшительнымъ отсутствіемъ всякаго рода учителей для простого народа наше православное духовенство стало открывать школы для крестьянскихъ дѣтей, публицистика не на шутку встревожилась, потому-что именно воспитаніе юношества доставило прочную опору могуществу западно-европейскаго духовенства и опасенія клерикализма не высказывались прямо, а на всѣ лады распѣвались, что нужно-де особое сословіе учителей, вышедшихъ изъ среды самаго народа". Подозрѣнія и опасенія клерикализма и вытекающая отсюда заботливость отнять изъ рукъ духовенства первоначальное образованіе народа (съ рискомъ оставить его даже безъ всякаго обученія) составили довольно прочно установившуюся тенденцію свѣтской журналистики".—Конечно, не одно опасеніе клерикализма лежало въ основѣ нападокъ свѣтской печати на духовенство, и даже въ основѣ самыхъ обвиненій нашего духовенства въ клерикализмѣ лежатъ многія иныя соображенія... И вотъ съ старымъ, но уже *открытымъ* обвиненіемъ противъ духовенства выступила извѣстная часть свѣтской печати и въ началѣ 80-хъ годовъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Комитетѣ Министровъ поставленъ на очередь вопросъ о предоставленіи духовенству преобладающаго вліянія въ дѣлѣ народнаго образованія. Многія изъ газетъ утѣшали себя тѣмъ, что ни Министръ Финансовъ, ни тѣмъ болѣе Министръ Народн. Просвѣщенія не допустятъ этого.

Такъ, „Русскія Вѣдомости“ (81 г.) писали, что министръ финансовъ отказался отпустить изъ Государственнаго Казначейства духовенству суммы для народнаго образованія. „Страна“ (81 г.) утѣшала себя тѣмъ, что этого не допуститъ новый Министръ Народнаго Просвѣщенія баронъ Николаи. По поводу его назначенія, вспоминая, что онъ былъ товарищемъ министра Головнина 15 лѣтъ тому назадъ, газета замѣчаетъ: „нельзя не напомнить при этомъ, что Головнинъ былъ противникомъ вліяній клерикальныхъ (?) и что при проведеніи имъ „Положенія о народныхъ школахъ“ 1864 г. считалось весьма важнымъ шагомъ подчиненіе всѣхъ такихъ школъ, хотя-бы онѣ были учреждены и духовенствомъ, Министерству Народнаго Просвѣщенія, съ изъятіемъ ихъ отъ непосредственнаго вліянія управленія духовнаго“... „Мы можемъ только порадоваться, продолжаетъ названная газета, что состоявшимся назначеніемъ устранены тѣ опасенія, на которыя мы указывали, высказывая желаніе, чтобы лицо, которое будетъ призвано на этотъ постъ, не было связано пристрастіями къ подавленію дѣла школы вообще какимъ нибудь постороннимъ ей началомъ, напримѣръ—хоть началомъ религіозной нетерпимости или политической подозрительности. Въ этомъ смыслѣ избраніе барона Николаи представляется фактомъ благопріятнымъ“.

— Хорошо замѣчаетъ по поводу сихъ разсужденій „Страны“ газета „Русь“ (81 г. № 22): „Страна“.... съ умиленіемъ вспоминаетъ о министерствѣ Головнина и восхваляетъ его за то, что онъ первый возсталъ противъ клерикализма въ Россіи и сталъ освобождать народныя школы отъ клерикальныхъ вліяній духовенства. Клерикализмъ въ Россіи? Но вѣдь это явленіе взято изъ западно-католическаго міра. Вѣдь оно значитъ: вторженіе властолюбиваго латинскаго духовенства въ сферу жизни государственной и общественной за предѣлы, подобающіе званію и вліянію духовнаго пастыря. Съ клерикализмомъ боролись и борются Италія, Испанія, Франція. Но въ исторіи русской церкви и государства если и былъ серьезный клерикалъ, такъ развѣ Никонъ, да и тотъ кончилъ свое поприще заточеніемъ. Нашего бѣднаго сельскаго священника нужно чуть не за рясу тащить въ народную школу для исполненія своей прямой обязанности ученія и вообще для „оказанія своего вліянія“, а

тутъ его вдругъ бюрократы и либералы возмнили напонаснымъ человѣкомъ, отъ вліянія котораго нужно какъ можно скорѣе уберечь русскій простой народъ!! И вотъ цѣлое министерство важно морщитъ лобъ и съ сознаніемъ высокаго долга пишетъ доклады, даетъ инструкціи, тратитъ громадныя государственныя деньги, отбираетъ приходскія школы у духовенства и начинаетъ крестовый походъ противъ клерикализма! А либеральная пресса (а она у насъ владѣетъ чуть не $^{2}/_{3}$-ми „интеллигенціи") важно морщитъ лобъ, потираетъ руки и празднуетъ освобожденіе отъ клерикализма! И это даже не безъ чувства нѣкотораго патріотическаго удовольствія: „у насъ совсѣмъ какъ въ Европѣ!..... Завели мы у себя „аграрный вопросъ", „рабочій вопросъ", „революціонный вопросъ",—пусть будетъ и клерикальный!" И вотъ, съ помощью казенныхъ, т. е. народныхъ денегъ, цѣлый легіонъ передовыхъ педагоговъ сочиняетъ народныя азбуки, въ которыхъ глубокомысленно изгоняетъ „церковщину", т. е. церковно-славянскую азбуку и вмѣсто старинаго: Азъ—А—Ангелъ, ставитъ: А—Арбузъ; вмѣсто: Буки—Б—Богъ, ставитъ Б—Баранъ!! И всѣ ликуютъ, что нанесли ударъ клерикализму, и „Страна" гудитъ хвалебнымъ басомъ, ожидая себѣ благодарности отъ отечества!"—Нельзя не замѣтить, что всѣ толки газетъ и журналовъ (особенно „Вѣстника Европы" 81 г. кн. за Іюнь, Сент., внутр. обозр.) *о русскомъ клерикализмѣ* имѣютъ въ основѣ своей различныя, прочно установившіяся еще въ царствованіе Александра II-го, тенденціи, по коимъ многимъ не желательно вліяніе духовенства на жизнь народную. Мы согласны съ мнѣніями публицистовъ, что на Руси есть зло, но оно—не въ клерикализмѣ русскаго духовенства, которое по коренному складу своего духовно-нравственнаго облика чуждо клерикальныхъ затѣй, а въ секуляризмѣ нашей интеллигенціи, въ оміреніи, отчужденіи ея отъ всего церковнаго, въ крайнемъ развитіи свѣтскости, не желающей имѣть ничего общаго съ церковностью (обыкновенно смѣшиваемой публицистами съ западнымъ клерикализмомъ) и духовнымъ міромъ. Послѣднее видно и изъ словъ „Русской Рѣчи" (Янв. 81 г.), по воззрѣнію которой: „священники будто-бы являются не пастырями душъ, не учителями народа, а мелкими чиновниками церковнаго вѣдомства, въ услугахъ которыхъ не

особенно нуждается властное дворянство и бюрократія, но которое, подобно становымъ приставамъ и волостнымъ старшинамъ, можетъ держать въ нѣкоторой зависимости мелкій деревенскій людъ и извѣстнымъ образомъ эксплоатировать его въ свою пользу". Но гораздо откровеннѣе высказывается „Вѣстникъ Европы" (81 г. Ін., Сент.), гласящій, что церковь и духовенство могутъ оказывать вліяніе лишь на простой народъ и то только нравственное вліяніе, а не на образованныхъ людей; послѣдніе живутъ, движутся и существуютъ началами не религіи, а современной цивилизаціи; они выше религіи, въ своемъ развитіи переросли её.—Жаль, что журналъ не процитовалъ знаменитаго изреченія Гамбетты: „вотъ моя религія—религія интеллектуальной культуры", изреченія, очень подходящаго къ взглядамъ нашихъ западничествующихъ публицистовъ.

Понятно, что, при такомъ взглядѣ на религію и ея служителей, вліянію ихъ на нашихъ образованныхъ людей не оказывается болѣе мѣста, что этого рода вліянія не могутъ представляться нашимъ западникамъ благодѣтельными для общественнаго преуспѣянія, что, напротивъ, они должны казаться имъ въ высшей степени вредными тормазами для дальнѣйшаго быстраго движенія нашего отечества по пути прогресса и *радикальныхъ перемѣнъ* въ строѣ нашей русской жизни. А потому прочь эти вліянія: они гибельны, они—„клерикализмъ"! Раздавались, впрочемъ, и другого рода обвиненія приходскаго духовенства. Такъ въ „Русской Рѣчи" (янв. 81 г. 395 стр.) писали: „если вручить нашу зарождающуюся школу теперешнему духовенству, то въ ней очень скоро не осталось-бы даже отдаленнаго намека на религіозно-нравственныя начала. Мы, конечно, сами-бы стояли за врученіе духовенству народной школы, если-бы наше духовенство переродилось въ своихъ глубоко-укоризненныхъ свойствахъ, если-бы вмѣсто жреца православнаго капища (sic!), униженно звенящаго кошелькомъ и жадно обирающаго пироги, мы вдругъ увидѣли-бы просвѣщеннаго наставника народа въ благочестивой жизни и благочестивыхъ помыслахъ"..... Здѣсь раздается старая, Богъ вѣсть въ чьей головѣ сложившаяся пѣсня о „глубоко-укоризненныхъ свойствахъ" духовенства, на которыя прекрасно отвѣтило одно духовное лицо: „мы худы, замѣните насъ хорошими; мы жадны, замѣните насъ

безкорыстными: мы лѣнивы, бездѣятельны, апатичны, замѣните насъ энергичными, дѣятельными, усердными. Мы охотно уступимъ свои мѣста и будемъ съ уваженіемъ смотрѣть на тѣхъ, которые понесутъ наше дѣло лучше насъ. Осуждать рыцаря въ безсиліи, не попытавшись поднять его меча,—это болѣе чѣмъ легкомысліе. Мы, нынѣ служащее духовенство, не рождаемся священниками, мы дѣлаемся ими, всякому это возможно; но практика говоритъ, что мало охотниковъ изъ русскаго общества, которые приняли-бы на себя трудъ разумнаго, дѣятельнаго, честнаго и, главное, безкорыстнаго служенія народу *въ званіи духовнаго лица*. Всѣ ищутъ свѣтлой, богатой жизни, всѣ гонятся за теплыми, безпечными мѣстами; ахъ, какъ эффектно изъ богатой, сытой обстановки укорять темныхъ, безвѣстныхъ, скорбныхъ тружениковъ среди православнаго люда" (Ц. О. В. 81 г., № 22 23). — Намъ невольно припоминается здѣсь довольно вѣрное и художественное изображеніе поэтомъ подвига сельскаго пастыря: „дороги наши трудныя, приходъ у насъ большой: болящій, умирающій, рождающійся въ міръ не разбираютъ времени: въ жнитво и въ сѣнокосъ, въ глухую ночь осеннюю, зимой —въ морозы лютые и въ половодье весеннее—иди—куда зовутъ. Идешь безропотно"!.. Это состраданіе пастыря своей паствѣ нерѣдко оспаривается, причемъ, обыкновенно, говорятъ, что священникъ присмотрѣлся къ народному горю, видъ народныхъ страданій не тяготитъ его души, не отражаетъ его душевнаго настроенія. Но и на это поэтъ правдиво отвѣчаетъ: „не вѣрьте, православные, привычкѣ есть предѣлъ: нѣтъ сердца, выносящаго безъ нѣкоего трепета предсмертное хрипѣніе, надгробное рыданіе, сиротскую печаль"...

Мы видѣли, что едва стали циркулировать слухи о поднятомъ въ правительственныхъ сферахъ вопросѣ о расширеніи вліянія духовенства на народное образованіе, какъ извѣстная часть свѣтской печати подняла тревогу и на русское духовенство стали падать обвиненія преимущественно въ клерикализмѣ, такъ какъ это было однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ отклоненію правительства отъ задуманныхъ мѣропріятій. По поводу этой тревоги во враждебномъ духовенству лагерѣ, одинъ изъ духовныхъ журналовъ замѣтилъ, что „если предполагаемая мѣра осуществится, то мы будемъ свидѣтелями настоящаго похода извѣстной

печати противъ духовенства и самыхъ энергическихъ усилій снова вырвать изъ рукъ его начальное народное образованіе" („Церк. Вѣстн.", № 17; 1881 г.). Предсказаніе журнала оправдалось. Вслѣдъ за санкціей, отъ 26 янв. 82 г., рѣшенія Комитета Министровъ о расширеніи вліянія духовенства на народное образованіе, журналъ „Русская Мысль" (82 г. кн. Авг., внутр обозр.) помѣстилъ небывалый пасквиль на приходское духовенство. Мы уже знакомы со взглядами неизвѣстнаго автора этого пасквиля на матеріальный бытъ духовенства, высказанными имъ по поводу рѣшенія правительства улучшить матеріальный бытъ приходскаго духовенства. Другая часть этого пасквиля посвящена критикѣ церковно-школьной дѣятельности духовенства.—„Добрыя ожиданія относительно церковно-приходскихъ школъ, пишетъ упомянутый авторъ, основаны на чисто-мечтательныхъ данныхъ; всѣ расчеты относительно 40 и болѣе тысячъ школъ, имѣющихъ въ такомъ случаѣ возникнуть, напоминаютъ расчеты старухи въ баснѣ: купитъ она курицу и курица нанесетъ яицъ"... Авторъ „отказывается понять, зачѣмъ будутъ открываться эти поповскія, дьяконовскія, дьяческія и тому подобныя школы, когда въ нихъ часто якобы нѣтъ никакой надобности; вѣдь существуютъ *земскія школы*"..... Словомъ, вся эта затѣя, по мнѣнію автора, „оказывается самою вздорною бюрократическою утопіею". То-же самое доказывается, на взглядъ автора, и прежнею судьбою церковно-приходскихъ школъ (съ 1865 г., когда ихъ было 21,420), въ теченіе 17 лѣтъ уменьшившихся до 4,000. „Правда, замѣчаетъ авторъ, *весьма значительная* часть этихъ школъ не упразднена, а только переименована въ училища министерскія и земскія, но нельзя оспаривать того, что многія изъ нихъ положительно закрылись, не будучи замѣнены въ тѣхъ мѣстахъ какими-нибудь школами".—„Нечего, говоритъ тотъ-же авторъ, пріискивать этому факту какихъ-либо объясненій, когда всякому хорошо извѣстно, что *большинство* (а ранѣе сказано „многія") церковно-приходскихъ школъ въ дѣйствительности никогда не существовали, а только числились оффиціально на бумагѣ, почему и вошло *въ обычай* называть церковно-приходскія школы „бумажными школами".

Всѣ аргументы автора противъ церковно-приходскихъ школъ донельзя слабы: они состоятъ то изъ голословныхъ

утвержденій, то изъ рѣзкихъ выраженій, то изъ ничего недоказующихъ подобій въ родѣ басни о старухѣ и т. п.... Историческое доказательство противъ церковно-приходскихъ школъ удалось ему совсѣмъ плохо, такъ—что пришлось сослаться на „обычай", по которому якобы принято (кѣмъ?) считать церковно-приходскія школы „бумажными".—„Особыя обстоятельства", содѣйствовавшія сокращенію упомянутыхъ школъ, подъ которыми (обстоятельствами) разумѣется главнымъ образомъ особое стараніе бывшаго синодальнаго оберъ-прокурора гр. Д. А. Толстого, когда онъ сдѣлался Министромъ Народнаго Просвѣщенія, о томъ, чтобы увеличить число именно министерскихъ, а не церковныхъ школъ (чего достигнуть ему было особенно удобно, какъ Министру Народнаго Просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ Синодальному Оберъ-Прокурору)—эти особыя обстоятельства не удостоиваются авторомъ вниманія; отъ нихъ онъ старается поскорѣе отдѣлаться, чтобы укрыться подъ надежною сѣнію „обычая называть церковно-приходскія школы бумажными". —А между тѣмъ эти „особыя обстоятельства" представляютъ дѣло и особой важности. Съ такой-же крайне слабой и сильно тенденціозной аргументаціей являются и другія возраженія автора противъ участія духовенства въ народномъ образованіи.

Но въ то время, какъ значительное большинство либеральныхъ и до-нельзя тенденціозныхъ публицистовъ всѣми силами старались запятнать духовенство и тѣмъ вырвать изъ его рукъ дѣло народнаго образованія, въ „Голосѣ" (82 г., № 182), представителѣ либеральной партіи, появилась статья М—ова, въ которой авторъ сочувственно отнесся къ усиленію церковно-приходскихъ школъ, считая необходимымъ условіемъ серьезной дѣятельности духовенства на нивѣ духовнаго просвѣщенія народа путемъ школы—предварительное обезпеченіе его казеннымъ жалованьемъ и высказывая, что „существованіе особыхъ церковно-приходскихъ школъ нисколько не будетъ мѣшать параллельному существованію съ ними другихъ народныхъ училищъ". Впрочемъ, въ томъ-же „Голосѣ", немного позже (№ 229; 82 г.), появилась статья бар. Корфа, въ которой русское духовенство считалось не способнымъ къ начальному школьному преподаванію и выставлялось враждебно относящимся къ нему. Въ такомъ-же смыслѣ высказались: „Недѣля", „Сынъ Отечества", „Новости" (№ 250)

и, конечно, „Вѣстникъ Европы“ (82 г. Окт.). Между тѣмъ вся Московская славянофильская печать усиленно ратовала за возстановленіе церковно-приходскихъ школъ и предоставленіе въ нихъ преподаванія исключительно духовенству. Такъ, „Московск. Вѣдом.“ (82 г., № 238), полемизируя съ г. Корфомъ, обратили прежде всего вниманіе на связь поднявшейся по поводу правительственнаго проекта тревоги съ замыслами, обнаруженными еще въ 60-хъ годахъ нашими либералами крайняго направленія: „когда взята будетъ школа, пророчествовалъ юный Писаревъ, тогда побѣда будетъ упрочена, тараканъ будетъ пойманъ. Взятіе школы составляетъ важнѣйшій результатъ побѣды и драгоцѣннѣйшій плодъ побѣды. Взять школу—значитъ упрочить господство нашей идеи надъ обществомъ“. На слова-же бар. Корфа: „нигдѣ не процвѣтала развивающая школа въ рукахъ духовенства безъ участія общества, и что школа, которая не развиваетъ, не можетъ и воспитывать, такъ какъ не надѣляетъ своего питомца ни вѣрными идеалами, ни возможностію найтись среди искушеній и устоять противъ нихъ“, „Московск. Вѣдом.“ отвѣчали: „мы очень хорошо знаемъ, какія школы бар. Корфъ называетъ развивающими и что онъ разумѣетъ подъ вѣрными идеалами. Это тѣ школы, въ которыхъ безграмотные ученики празднословятъ съ полуграмотными учителями „о душевныхъ качествахъ піявки“: это тѣ „идеалы“, которые содержатся въ словахъ: доходъ, расходъ, барышъ, выгода, польза, чистый доходъ, которыми такъ и пестрятъ баронскіе учебники и сопровождаютъ каждую въ нихъ развивающую и практически полезную статью. Такимъ „развитіемъ“ и такими „идеалами“ духовенство, конечно, не будетъ занимать своихъ питомцевъ“. Въ доказательство непригодности школьной системы г. Корфа въ „Русск. Вѣстн.“ (82 г.) писали: „всякое многоученье, пичканье разнымъ хламомъ, подъ предлогомъ развитія, сообщенія полезныхъ свѣдѣній, или подъ всякимъ другимъ предлогомъ, практикуемое въ школахъ, устроенныхъ по программѣ бар. Корфа, не только не приноситъ никакой пользы, но причиняетъ положительный вредъ, отрывая деревенскихъ мальчишекъ отъ семьи, надмевая ихъ звонкимъ пустозваніемъ и сообщая имъ самый отвратительный плебейскій аристократизмъ“. Что простой нашъ народъ не сочувствуетъ такой школѣ, „Русск. Вѣстн.“ заключаетъ

объ этомъ по отношенію къ ней раскольниковъ. Въ раскольническихъ селахъ такъ называемыя „начетчицы“ ведутъ самую рьяную конкурренцію съ учителями школъ. Почти каждый школьникъ, только-что выучившійся читать и писать кое-какъ, непремѣнно, разумѣется, по волѣ родителей, спѣшитъ оставить школу и переходитъ къ какой-нибудь начетчицѣ для вящаго усовершенствованія. — Къ Московской славянофильской печати примкнули и нѣкоторые изъ солидныхъ Петербургскихъ органовъ. Такъ, „Спб. Вѣдом.“ (82 г., № 250) замѣчали: „главное обвиненіе противъ современной школы со стороны народа—это недостаточность религіознаго обученія, мало славянскаго чтенія и вообще чтенія религіознаго содержанія. Въ этомъ отношеніи народъ несомнѣнно правъ. Слишкомъ рѣзокъ былъ переходъ отъ часослова къ баснямъ и сказочкамъ“. — „Наши знаменитые педагоги, писало „Новое Время“ (82 г., № 2401), въ погонѣ за новѣйшими иностранными методами и наглядностью обученія, просмотрѣли глубокій религіозно-нравственный элементъ старой русской школы и зарыли въ землю тотъ „педагогическій кладъ“, о которомъ говоритъ г. Рачинскій. Теперь земству въ союзѣ съ церковью предстоитъ заняться открытіемъ этого клада, введеніемъ въ школу церковнаго чтенія и пѣнія“. Провинціальная печать также сочувственно отнеслась къ возстановленію церковно-приходскихъ школъ (см. „Кіевлянинъ“ и „Волжско-Камское Слово“, 82 г.).

Къ концу 82 г. агитація противъ церковно-приходскихъ школъ и духовенства стала стихать. Любопытно сообщеніе „Кіевск. Епарх. Вѣдом.“ (83 г., № 11) о томъ, кому по временамъ ввѣряема была аттестація приходскаго духовенства: „вслѣдствіе-ли рѣзкихъ нападковъ на духовенство, или можетъ-быть по какимъ-либо инымъ соображеніямъ, свыше предпринято было нѣчто вродѣ негласнаго разслѣдованія объ истинномъ положеніи нашего приходскаго духовенства; такъ, наприм., помнится, въ 1880 г. послѣдовало предписаніе губернатора становымъ приставамъ (?) доставить самыя точныя свѣдѣнія объ образѣ жизни и поведенія (?) приходскихъ священниковъ, изъ коихъ нѣкоторые только знакомы бываютъ становому потому, что у нихъ онъ пользуется даровымъ ночлегомъ или гостепріимствомъ, при проѣздѣ по дѣламъ своей службы. Любопытно было-бы посмотрѣть эти, къ сожалѣнію,

необнародованныя свѣдѣнія становыхъ приставовъ о духовенствѣ, сообщенныя, если не ошибаемся, безъ всякихъ сношеній съ мѣстными благочинными и епархіальнымъ начальствомъ".

Въ то время, какъ въ печати и обществѣ шла оживленная полемика по вопросу о расширеніи правъ духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, въ правительственныхъ сферахъ этотъ вопросъ, рѣшенный съ принципіальной стороны еще въ концѣ 1881 г., значительно подвинулся впередъ. Въ концѣ 1882 г. Правительство рѣшило отпустить въ распоряженіе духовнаго вѣдомства на содержаніе ц. пр. школъ въ 83 г.—55,500 руб. Этотъ актъ правительственнаго вниманія къ церковно-школьной дѣятельности духовенства достойно былъ оцѣненъ враждебными духовенству „Новостями", смѣнившими собою „Голосъ" и усвоившими себѣ всѣ тенденціи послѣдняго съ сильной примѣсью юдофильства. „Мѣра эта, писали „Новости" (83 г.), является первымъ шагомъ на пути къ обособленію церк. прих. школъ, которыя до сихъ поръ состояли въ вѣдѣніи общей инспекціи народн. училищъ. Духовное начальство само отнынѣ будетъ вѣдать сіи школы: Министерство же Нар. Просв. утратитъ право завѣдывать ими на общихъ основаніяхъ. Въ данномъ случаѣ, характеристиченъ фактъ выдѣленія сихъ школъ изъ вѣдомства нар. просвѣщенія"...

Вслѣдъ за высшимъ правительствомъ и министерство нар. просв. засвидѣтельствовало свое полное сочувствіе церковно-школьной дѣятельности духовенства. Такъ, въ циркулярѣ Министра попечителямъ учебныхъ округовъ, въ первой половинѣ 1883 г., читаемъ: „православное духовенство, движимое ревностнымъ стремленіемъ къ распространенію религ.-нравственнаго просвѣщенія въ массѣ народа, открываетъ во многихъ епархіяхъ церк.-прих. школы, причемъ не только помѣщеніе и трудъ учительства жертвуются нерѣдко безмездно, но часто и самыя учебныя пособія приходится устроителямъ этихъ школъ покупать на свои скудныя средства. Искренно сочувствуя такимъ добрымъ начинаніямъ правосл. духовенства на пользу народн. просвѣщенія, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство поручить всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ начальнымъ школамъ, оказывать

полное содѣйствіе православному духовенству къ открытію и поддержанію церк.-прих. школъ, снабжая послѣднія, по мѣрѣ возможности, учебными пособіями изъ складовъ училищныхъ дирекцій. Я убѣжденъ, что Ваше Превосходительство вполнѣ раздѣляете мнѣніе всѣхъ религіозно-настроенныхъ людей, касательно особой важности и пользы подобныхъ школъ во всякое и особенно въ настоящее время, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что только ближайшее и дѣятельное участіе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія можетъ придать послѣднему тотъ глубоко-религіозный характеръ, который такъ необходимъ и дорогъ русскому народу"... Этимъ циркуляромъ было снято съ духовенства нареканіе въ томъ, будто оно относительно церковно-приходскихъ школъ ограничивается только фразами, выраженіемъ пока одной только готовности потрудиться на поприщѣ народнаго образованія, но дѣятельнаго участія въ устройствѣ школъ доселѣ будто-бы не принимало и не принимаетъ (см. „Недѣля" 83 г. статья „Фразы и Факты"). Со времени этого циркуляра церковно-приходскія школы получаютъ, такъ сказать, право гражданства въ средѣ другихъ народныхъ школъ, чего доселѣ онѣ не имѣли, а это было немаловажнымъ обстоятельствомъ для ободренія духовенства, трудящагося на нивѣ народнаго образованія. Высказавъ полное довѣріе и одобреніе церковно-школьной дѣятельности духовенства и признавъ за церковно-народной школой весьма важное просвѣтительное значеніе, Министръ Народнаго Просвѣщенія новыми циркулярами, отъ 20 окт. 83 г. и 30 янв. 84 г., снова засвидѣтельствовалъ что онъ дорожитъ содѣйствіемъ духовенства и старается привлечь молодыя силы его къ дѣятельности на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Приведенными циркулярами предоставлено лицамъ, прошедшимъ успѣшно четыре класса духовныхъ семинарій, право на полученіе званія сельскаго начальнаго учителя безъ особаго на то испытанія, на основаніи одного лишь пробнаго урока, а окончившимъ полный курсъ дух. семинаріи то же право предоставлено безъ дачи пробнаго урока. Этимъ засвидѣтельствована была одинаковая пригодность къ народному учительству воспитанниковъ дух. семинарій наравнѣ съ воспитанниками свѣтскихъ—высшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ заведеній. Ясно, что Министерство сошло со своего прежняго пути отношенія къ ду-

ховенству,—отношенія съ одной стороны недовѣрчиваго, навѣяннаго клеветами свѣтской либеральной журналистики на духовенство, а съ другой ревниво-бюрократическаго, когда охраняло свои права на заправленіе народнымъ образованіемъ отъ мнимаго вторженія въ свою область элемента чуждаго, принадлежащаго къ другому вѣдомству. Министерство поняло, что отвергать сильнаго сотрудника въ дѣлѣ народнаго образованія—въ лицѣ духовенства, или становиться къ нему въ оппозицію крайне вредно для успѣха самаго дѣла и для интересовъ вѣдомства и что гораздо полезнѣе ободрить его и привлечь къ совмѣстной дѣятельности, поставивъ его къ себѣ въ извѣстныя отношенія, требуемыя общегосударственнымъ порядкомъ и благоустройствомъ.

Въ то время, какъ правительство открыто заявляло свое полное сочувствіе расширенію народно-просвѣтительной дѣятельности духовенства посредствомъ церковно-приходскихъ школъ и принимало необходимыя для сего мѣры, г. Оберъ-Прокуроръ Синода, пользуясь правомъ, предоставленнымъ ему Высочайше утвержденнымъ 26 янв. 82 г. положеніемъ Комитета Министровъ, образовалъ особую комиссію изъ членовъ отъ Св. Синода и отъ Министерства Нар. Просв., которая съ 82 года и открыла свои дѣйствія при Синодѣ, подъ предсѣдательствомъ Синодальнаго Члена Архіепископа Варшавскаго Леонтія. Названная Комиссія имѣла цѣлью выработать окончательный проектъ организаціи церковно-приходскихъ школъ. Въ это время въ отчетѣ Владимірскаго братства св. Александра Невскаго за 82/83 г. появился проектъ организаціи церк.-прих. школъ. Въ этомъ проектѣ предлагалось: а) открытіе церк.-прих. школъ для обученія дѣтей грамотѣ предоставить крестьянскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ на ихъ средства; б) высшее наблюденіе за сими школами поручить епарх. власти чрезъ благочинныхъ, а ближайшее наблюденіе и отвѣтственность за правильность обученія и направленія школы въ приходѣ возложить на мѣстнаго священника; в) преподаваніе Закона Божія долженъ вести приходскій священникъ, или лицо, окончившее курсъ богословскихъ наукъ, а остальное обученіе могутъ вести всякаго званія лица обоего пола, получившія удостовѣреніе отъ мѣстнаго священника о своихъ нравственныхъ качествахъ и способности къ обученію дѣтей. Едва только появились слухи,

что въ правительственныхъ сферахъ намѣрены воспользоваться симъ проэктомъ при организаціи и развитіи церк.-прих. школъ (что и оказалось впослѣдствіи), какъ въ „Новостяхъ“ (84 г.) появился контрпроектъ, въ которомъ предлагалось: „подчинить всѣхъ вольныхъ учителей надзору ближайшихъ учителей народныхъ училищъ, на правахъ инспекторовъ, какъ сами народные учители подлежатъ настоящей инспекціи; свидѣтельства грамотности могутъ быть выдаваемы вольнымъ учителямъ — изъ народныхъ школъ“. Право же учительства газета предлагала не давать никому, кромѣ „*грамотныхъ солдатъ*“, обучившихся въ полковой школѣ, которые и будутъ учить, „не по складамъ, какъ пономарь, а по правильной методѣ“. Мысль о развитіи народа, какъ цѣли обученія, нужно выбросить изъ головы. газета даже слегка трунитъ надъ модною педагогическою идеею народнаго „развитія“ посредствомъ грамотности, называя это развитіе „пилюлею, подкрашенною жизнеописаніями разныхъ звѣрей и вопросами въ родѣ слѣдующихъ: сколько въ избѣ угловъ и что у тебя надъ головою“. Въ отвѣтъ на насмѣшку „Новостей“ надъ „пилюлею развитія“ весьма ѣдко и справедливо замѣчаетъ „Гражданинъ“: „позвольте, но вѣдь это *вы же* составляете эти руководства съ пилюлями „развитія“; вы же добиваетесь въ ученыхъ комитетахъ всѣми правдами и неправдами, чтобы такія руководства рекомендовали: вы же составляете эти жизнеописанія звѣрей и нелѣпые вопросные пункты! Такъ въ чемъ же дѣло? Запасной рядовой — вотъ конечное пока слово либеральныхъ пожеланій школѣ. Устранимъ священника, ибо онъ не годенъ для обученія и пригласимъ—запасного рядового! Нынѣшняго рядового, три-четыре года проболтавшагося въ войскѣ и выучившагося кое-какъ грамотѣ, понатершагося съ обществомъ всесословнаго состава своей части и не получившаго ни одного изъ тѣхъ устоевъ, на которыхъ былъ строго воспитанъ и которыми былъ такъ надеженъ солдатъ прежняго времени... Этого „запасного рядового“, званіе котораго теперь непрестанно фигурируетъ на судахъ,—нечего сказать, хороша замѣна приходскихъ школъ, — которыя такъ старательно провалили! Главное, нужно устранить изъ преподаванія религіозную сторону! Вотъ въ чемъ дѣло! Права инспекторовъ будутъ даны теперешнимъ учителямъ народныхъ училищъ и свидѣтель-

ства на учительство будутъ они же выдавать вольнымъ учителямъ! Недурно! И они же будутъ слѣдить, чтобы учили только по одобреннымъ руководствамъ!" Но значительное большинство свѣтской печати ратовало уже за приближеніе народной школы къ церкви.

Между тѣмъ комиссія по устройству церк.-приходскихъ школъ заканчивала свое дѣло. Результатомъ ея дѣятельности явился „Проектъ положенія о церковно-приходскихъ школахъ" съ объяснительной запиской и выработанныя, согласно съ проэктомъ, „Правила о церк.-прих. школахъ". Со времени Высоч. Утвержденія 13 Іюня 1884 г. означенныхъ „правилъ", начался *новый періодъ въ исторіи народно-образовательной дѣятельности духовенства.* Возобновленныя „правила о церк.-приходскихъ школахъ" педагогическая дѣятельность духовенства по образованію народа началась при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Государь Императоръ на самыхъ „правилахъ" начерталъ: „надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ". Св. Синодъ выразилъ надежду, „что школы сіи будутъ истинными разсадниками христіанскаго просвѣщенія въ православномъ народѣ". Министерство Народнаго Просвѣщенія, отдавая должное историческимъ заслугамъ духовенства въ дѣлѣ школьнаго образованія народа, выразило убѣжденіе, что „всѣ, призванные служить высокой цѣли просвѣщенія народа, должны быть первыми доброжелателями, самыми искренними друзьями и пособниками школы, которая руководится непосредственно іерархами и пастырями православной церкви", не сомнѣваясь что въ частности „чины Министерства Н. Просвѣщенія какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ управленій, въ сознаніи необходимости полнаго единодушія въ дѣлѣ просвѣщенія народа, будутъ содѣйствовать духовенству въ его благихъ начинаніяхъ всѣми зависящими отъ нихъ способами".— „Школа, продолжаетъ министерскій циркуляръ,—естественная союзница Церкви и въ святомъ дѣлѣ ея веденія не можетъ быть ни розни, ни пререканій; всякое недоразумѣніе, если-бы оно гдѣ-нибудь и по какому-нибудь случаю возникло, должно быть разрѣшаемо въ духѣ христіанской любви и мира, съ устраненіемъ всѣхъ разсчетовъ тщеславія, гордости и себялюбія, которыя въ каждомъ дѣлѣ предосуди-

тельны, а въ настоящемъ были-бы и прямо преступны. Всякій, болѣе или менѣе причастный къ дѣлу народнаго образованія, пусть постоянно имѣетъ въ виду, что и нынѣ существующія училища, и возникающія церковно-приходскія, должны стремиться къ одной общей цѣли—къ обученію и просвѣщенію подростающаго поколѣнія на незыблемыхъ основахъ вѣры и въ духѣ всецѣлой преданности престолу и отечеству" (циркуляръ помѣщенъ въ „Свѣтѣ" за 1884 г. № 164-й). Въ свою очередь, всѣ болѣе серьезные органы печати, какъ столичной, такъ и провинціальной отнеслись къ новому узаконенію съ полнымъ сочувствіемъ и возлагали на духовенство тѣ-же надежды, какія выразило и правительство (см. „Новое Вр." 1884 г. № 3017 и др...). „Новый рядъ народныхъ училищъ въ непосредственномъ вѣдѣніи народныхъ пастырей и подъ управленіемъ епархіальнаго архіерея, писали „СПБ. Вѣдом." (1884 г. № 206), вполнѣ соотвѣтствуетъ правильному взгляду на духовенство, какъ на естественнаго учителя народа на первой стадіи народнаго образованія"... Выразивъ надежду, что новый законъ пробудитъ въ духовенствѣ „живой духъ начинанія въ области учительства, такъ сродный пастырскому служенію", газета ожидаетъ съ другой стороны, что „тѣснѣйшее сближеніе школы съ церковію, столь согласное съ понятіями и желаніями народа, будетъ новымъ стимуломъ благотворительности: школы церковныя скорѣе привлекутъ пожертвованія, чѣмъ школы въ тѣсномъ смыслѣ казенныя". „Новости" (1884 г. № 196), по-видимому, только скрѣпя сердце допускаютъ ту видную роль духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, которая предоставлена ему новымъ закономъ: газетѣ „нѣсколько разъ бросается въ глаза тщательное обособленіе вновь узаконяемыхъ школъ отъ всякаго вліянія на нихъ свѣтской власти".—Но гарантируемая духовенству въ этомъ дѣлѣ самостоятельность имѣетъ, по мнѣнію „Новостей", цѣлью наибольшее преуспѣяніе сего дѣла первостепенной государственной важности, почему газета и отказывается усвоять какое-либо серьезное значеніе заподозрѣваніямъ русскаго духовенства въ стремленіяхъ къ клерикальной политической роли. Изъ провинціальныхъ газетъ особеннаго вниманія заслуживаетъ „Южный Край" (№ 1239, 1884 г.), давшій прекрасную характеристику народной школы

вѣдомства Мин. Нар. Просв... „Коренная реформа народной школы „въ духѣ православія и народности“, пишетъ названная газета, сдѣлалась, наконецъ, насущнѣйшей потребностью общества. Не только представители его болѣе образованной части, но и самъ народъ, милліонами голосовъ, требовалъ именно такой постановки дѣла, отказывая въ копѣечныхъ жертвахъ для пріобрѣтенія всей либеральной премудрости, изложенной въ учебникахъ Корфа, Евтушевскаго и проч..., и уходя въ то-же время учиться къ раскольничьимъ начетчикамъ, открывая *свои* домашнія школы грамотности, съ псалтыремъ, церковнымъ пѣніемъ и отставнымъ солдатомъ — руководителемъ. Не находя въ „послѣднемъ словѣ“ либеральной науки удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей и развращаемый изо дня въ день прелестями буржуазно-либеральной цивилизаціи, народъ или начиналъ жадно прислушиваться къ проповѣди самозванныхъ пророковъ изъ своей-же братіи, или бросалъ все и уходилъ въ омутъ трактирно-городской жизни, теряя здѣсь и здоровье и послѣднія черты „образа Божія“. Въ концѣ концовъ, получался или типъ сторонящагося отъ всѣхъ, таящаго гнѣвъ и презрѣніе, сектанта, или та характерная фигура „цивилизованнаго дикаря“ съ гармоникой, трактирной шансонеткой и массой физическихъ и нравственныхъ недуговъ, которая такъ успѣшно стремится воспроизвести на русской почвѣ столь любезный сердцу либеральныхъ педагоговъ типъ западно-европейской „босой команды“. Отсутствіе въ этой части населенія какихъ-бы то ни было духовныхъ и нравственныхъ интересовъ, погоня лишь за низменными, животными наслажденіями, развратъ, увеличивающаяся изъ-года въ годъ масса преступленій, ослабленіе семейныхъ основъ и отвращеніе къ условіямъ деревенской, мірской жизни,— все это не замедлило явиться, какъ достойное увѣнчаніе того зданія, которое такъ усердно строила на трудовыя народныя деньги „раціональная педагогія“, забывавшая, что народу нужны не послѣднее „слово науки“ и обрывки „научно-практическихъ знаній“, а лишь „просвѣщеніе въ истинахъ православной вѣры и въ правилахъ благочестія“.

Итакъ, 1884-й годъ явился годомъ возрожденія церковно-приходской школы, которая съ него и ведетъ начало счисленія времени своего государственнаго существованія. Из-

данными въ этомъ году (1884) „правилами“ означенныя школы уравнены со стороны своей программы съ правительственными, а со стороны объема своей компетенціи и вліянія на частныя крестьянскія школы (см. §§ 6 и 7-й „правилъ“) имѣютъ даже преимущество предъ правительственными и тѣмъ открываютъ самый широкій просторъ для народно-просвѣтительной дѣятельности приходскаго духовенства. - Съ возрожденіемъ церковно-школьной дѣятельности духовенства въ церковно - приходской средѣ пробудилась жизнь и началось усиленное движеніе въ пользу церковно-приходскихъ школъ. Это оживленіе сказалось въ многочисленныхъ адресахъ крестьянъ разныхъ губерній митр. Исидору (11 Нб. 1884 г.) и г. Синодальному оберъ-прокурору Побѣдоносцеву (14 Нб. 1884 г.). Обращаясь къ г. Побѣдоносцеву, составители адреса пишутъ: „во-первыхъ, Вы помогаете намъ церкви открывать (это наше сокровище) и сокращеніе церковныхъ причтовъ восполнять. О, какъ это намъ любо и радостно! Другая заслуга превосходнѣйшая: Вы намъ исходатайствовали церковно-приходскія школы. Черезъ эти школы, уповаемъ мы, наши отцы духовные приведутъ къ намъ св. равноапостоловъ нашихъ Кирилла и Меѳодія съ ихъ живоносною, святою, божественной силы исполненной грамотою церковно-славянскою. Наши дѣти выучатся читать Часовникъ и Псалтирь и всякая душеспасительная книга откроется имъ. Новые люди зародятся въ народѣ: старая праотеческая набожность, погибающая теперь, возникнетъ опять у насъ; древнія добродѣтели оживутъ; духъ правый обновится въ утробахъ русскихъ; духовная сила въ народѣ прибывать будетъ. Черезъ эту грамоту церковь воспріиметъ удобность стать ближе къ народу со своею благодатію. Всего этого мы ожидаемъ отъ святой церковно-славянской грамоты, и только отъ нея одной“. Въ „Голосѣ Москвы“ (1885 г. № 56-й) напечатано было письмо жителей Павловскаго посада, Московской губ. (съ 500-ми подписей), въ которомъ они настаиваютъ на томъ, чтобы народная школа стала ближе къ церкви и чтобы въ основу народнаго образованія была положена церковно-славянская грамота. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне составляли приговоры объ открытіи и поддержкѣ церковно - приходскихъ школъ, какъ напримѣръ, крестьяне 7-ми деревень Литовской епархіи („Лит. Еп. Вѣд.“

№ 41, 1885 г.) и др... Кромѣ крестьянъ, и нѣкоторыя изъ земствъ отнеслись сочувственно къ новому типу школъ и даже оказали имъ матеріальную поддержку, какъ напр. уѣздныя земскія собранія Казанской епархіи: Мамадышское, Козьмодемьянское и Ядринское осенней сессіи 1885 года; Яранское уѣздное земство—Вятской епархіи—въ XVII-мъ очередномъ собраніи 1885 г., Нерехтенское — Костромской епархіи и др... Изрѣдка заявляли свое сочувствіе церковно-приходскимъ школамъ и городскія общества: такъ напр. Костромская Городская Дума въ засѣданіи 13 Дек. 1885 г. постановила ассигновать на учрежденіе въ Костромѣ церковно-приходской школы ежегодно по 1,000 руб.—Между тѣмъ исторически-извѣстные своей ненавистью къ духовенству мировые посредники всячески препятствовали успѣху церковно-приходской школы, о чемъ своевременно заявляли „Волынск. Еп. Вѣд.“ (1885 г. № 6) и что подтвердилъ „Кіевлянинъ“ (1885 г. № 110), сообщая, что начальникъ Волынской губ. циркулярно предложилъ мировымъ посредникамъ своей губерніи установить повсемѣстную передачу сельскихъ школъ духовенству, такъ-какъ „мировые посредники едва-ли могутъ имѣть достаточно систематическій надзоръ за школами“.—Въ свѣтской-же либеральной печати продолжали появляться статьи, авторы коихъ недовѣрчиво относились къ церковно-школьной дѣятельности духовенства и отрицали пользу отъ церковно-приходскихъ школъ. Особенно „Вѣстн. Евр.“, „Русск. Вѣдом.“ и „Недѣля“ зорко оберегали интересы и неприкосновенность земскихъ школъ и изощрялись въ клеветахъ и порицаніяхъ на церковно-приходскія школы. „Въ настоящее время, писали „Русскія Вѣдом.“ (1886 г.), жизнь не представляетъ для церковно-приходскихъ школъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Куда ни глянь—вездѣ не о томъ думаютъ“... Разсуждая объ успѣхахъ народнаго образованія за 1885-й годъ, та-же газета замѣчаетъ: „о церковно-приходскихъ школахъ нечего и говорить: онѣ не дали ровно ничего“—(нужно добавить—съ точки зрѣнія „Русск. Вѣд.“). „Слѣдя за дѣятельностью церковно-приходскихъ школъ, писала „Недѣля“ (1886 г.), приходится невольно заключить, что о нихъ больше написано полемическихъ статей, чѣмъ существуетъ самыхъ школъ..... (конечно, въ этомъ вина уже не духовенства, а

его многочисленныхъ враговъ, изощряющихъ свой ляке-безпристрастный умъ въ печати). Сначала, продолжаетъ „Недѣля", еще встрѣчались извѣстія объ открытіи то той, то другой школы, но потомъ и такія извѣстія заглохли" (нечего сказать,—сильная аргументація!).—Но раздавались и болѣе безпристрастные голоса относительно церковно-приходскихъ школъ, выясняющіе истинное положеніе школьнаго дѣла. Такъ, „Южный Край" (1886 г. № 1797) писалъ: „церковно-приходскія школы, сданныя въ архивъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, года три тому назадъ было рѣшено возродить и распространить. Вышло „Положеніе", вышли „разъясненія" и „циркуляры". Духовенству объявили, что государство и общество ждутъ отъ него великой услуги—правильной постановки дѣла народнаго образованія и повсемѣстнаго обученія бѣднѣйшихъ слоевъ населенія православной вѣрѣ, чтенію, письму и счету. Но тѣмъ дѣло и кончилось. На какія-же средства должны содержаться церковно-приходскія школы? Этого щекотливаго вопроса „Положеніе" почти не касается. Оно упоминаетъ вскользь, что земства, городскія и сельскія общества и частныя лица могутъ оказывать церковно-приходскимъ школамъ матеріальную поддержку въ той или другой формѣ, но ни земства, ни городскія общества не обнаружили особенной склонности раскошеливаться въ пользу церковно-приходскихъ школъ. Не обнаружили, во-первыхъ, потому, что они вообще довольно *безпечно* относятся къ судьбамъ народнаго образованія, а во-вторыхъ потому, что у нихъ есть „*свои*" школы, бюджетомъ которыхъ они и безъ того тяготятся. Сельскія-же общества по большей части не въ силахъ содержать школы на свои средства исключительно. Церковно-приходскія школы могли бы существовать на средства приходовъ и вообще на церковныя средства, если-бы у насъ, подъ вліяніемъ различныхъ мѣропріятій либеральнаго свойства, не замерла церковно-приходская жизнь, если-бы у насъ церковное управленіе не было превращено въ „вѣдомство православнаго исповѣданія"... При теперешнемъ-же положеніи дѣлъ, если хотятъ процвѣтанія церковно-приходскихъ школъ, надо изыскать для нихъ какія-нибудь опредѣленныя средства, иначе благія пожеланія ни къ чему не приведутъ и церковно-приходскія школы даже тамъ, гдѣ священники

всячески сочувствуютъ дѣлу распространенія въ народѣ истиннаго образованія, будутъ влачить самое жалкое существованіе. Оно и понятно: какихъ успѣховъ ожидать отъ школы, не имѣющей сколько-нибудь удобнаго помѣщенія, не имѣющей денегъ для покупки учебныхъ принадлежностей, не имѣющей возможности платить жалованье преподавателямъ? И церковно-приходскія школы дѣйствительно влачатъ самое жалкое существованіе и при томъ по обстоятельствамъ, отъ нихъ совершенно не зависящимъ"...

Въ то время какъ газетная и журнальная полемика различно обрисовывала положеніе и нужды церковно-приходскихъ школъ, правительство вѣрнымъ и прямымъ путемъ шло къ достиженію намѣченной цѣли усиленію и расширенію вліянія духовенства на народное образованіе. Съ этой цѣлью оно разрѣшило ежегодный, начиная съ 1886 г., отпускъ изъ Государственнаго Казначейства 120,000 руб. въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ, что съ отпускаемыми уже 55,500 руб. составляло 175,500 руб. ежегодной правительственной субсидіи. Въ 1894 г. въ видѣ дополнительнаго пособія на тотъ же предметъ отпущено изъ Государственнаго Казначейства въ распоряженіе Св. Синода 350,000 р., вслѣдствіе чего правительственная субсидія церковно-приходскимъ школамъ въ 1894 г. равнялась 525,500 руб. Сверхъ сего, на содержаніе церковно-приходскихъ школъ въ 13-ти земскихъ губерніяхъ втеченіе смѣтнаго трехлѣтія съ 1887 89 г. отпускалось по 122,000 руб. и въ Сибири по 40,000 руб. ежегодно; съ 1890 92 г.—по 228,285 руб. и въ Сибири по 52,000 ежег., и, наконецъ, съ 1893 95 г. предыдущая ежегодная ассигновка увеличена на 144,000 руб., а въ Сибири по 124,150 р. ежегодно. Правительственная субсидія церковно-приходскимъ школамъ была весьма цѣннымъ подспорьемъ къ мѣстнымъ средствамъ, существующимъ въ духовномъ вѣдомствѣ, для содержанія церковно-приходскихъ школъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ улучшенія матеріальнаго быта церковно-приходскихъ школъ было увеличеніе числа сихъ школъ. Такъ, въ 1884 г. церковныхъ школъ числилось—4,547—,а къ 13-му Іюня 1894 г.—до 29,488 школъ, въ числѣ ихъ: церковно-приходскихъ 12,262,—школъ грамоты 16,001, и миссіонерскихъ—325;—учащихся обоего пола къ Іюню 1885 г. числилось въ церковныхъ шко-

лахъ 105,150,—а къ 13-му Іюню 1894 г.—900.088,—изъ коихъ въ церковно-приходскихъ школахъ—490,086; въ школахъ грамоты 401,092 и въ миссіонерскихъ—8.100. — Но число этихъ школъ и учащихся въ нихъ оставалося еще далеко недостаточнымъ сравнительно съ общимъ числомъ православнаго населенія. Въ среднемъ выводѣ въ 1891 г. приходилось по 7,5—учащихся въ церковныхъ школахъ на каждую *тысячу* православнаго населенія и по 25 учащихся—съ присоединеніемъ къ нимъ учащихся въ школахъ Минист. Нар. Пр. и другихъ вѣдомствъ. По свѣдѣніямъ 1887 г. въ 17.795 приходахъ не было еще никакихъ церковно-приходскихъ школъ. Особенно ничтожно количество учащихся дѣвочекъ: въ церковныхъ школахъ оно составляло въ 1890 г.—13½% всего числа учащихся обоего пола и 95% всѣхъ дѣвочекъ школьнаго возраста оставалось безъ всякаго обученія. Отсюда ясно вытекала настойчивая нужда въ дальнѣйшемъ развитіи церковно-приходскихъ школъ и много еще труда предстоитъ духовенству въ этомъ священномъ и обязательномъ для него и весьма важномъ, особенно въ наше время—разгара сектантства, дѣлѣ.

Большую услугу дѣлу просвѣщенія народа оказали школы грамоты. Онѣ ведутъ свою исторію со времени крещенія Руси св. Владиміромъ и до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія были предоставлены самимъ себѣ, стояли внѣ всякаго контроля и посему не имѣли сколько нибудь благоустроеннаго вида. Съ первой половины 70-хъ годовъ и до 1882 г. эти школы пережили критическій моментъ: за этотъ періодъ онѣ стояли *внѣ закона*. Вѣяніе 70-хъ годовъ пришизило ихъ до того, что онѣ должны были влачить самое жалкое, безпомощное существованіе, и то втихомолку, подальше отъ просвѣщенныхъ либеральныхъ народолюбцевъ... Онѣ были признаны народнымъ зломъ, подлежащимъ скорѣйшему уничтоженію. Въ самомъ „положеніи“ 1874 г. о народн. начал. училищахъ на училищную администрацію возлагается забота—„о недопущеніи къ дѣлу обученія лицъ, не имѣющихъ званія народныхъ учителей“. И школы грамоты терпѣлись, или—правильнѣе сказать — игнорировались администраціей только за невозможностью услѣдить, гдѣ и кто учитъ въ деревняхъ и селахъ по избамъ крестьянъ (см. стат. г. Скворцова — „изъ школьнаго міра“ журн. „Церк.-прих. шк.“

1888 г. Мр. стр. 35). — Оффиціальные педагоги видѣли въ этихъ школахъ и ихъ учителяхъ соперника новой методы обученія и потому во имя превосходства новаго типа школъ надъ старыми начали открытую борьбу противъ школъ грамоты, всячески стараясь уничтожить ихъ, или, по крайней мѣрѣ, ограничить по возможности ихъ дѣятельность [1]), пользуясь при этомъ иногда (какъ напр. въ Тотемскомъ уѣздѣ, Вологодск. губ.) содѣйствіемъ полицейскихъ властей[2]). Польза этихъ школъ была признана свѣтскимъ правительствомъ лишь въ циркулярѣ Мин. Нар. Пр. (б. Николаи) отъ 14 февр. 1882 г., въ которомъ говорилось, что „въ селеніяхъ обучать грамотѣ, не спрашивая ни у кого разрѣшенія, можетъ всякій, даже не имѣющій учительскаго званія" [3]). Юридическое же бытіе школъ грамоты признано Высочайшей властью лишь въ 1884 г., когда эти школы, на ряду съ ц.-прих., были подчинены вѣдѣнію и наблюденію духовн. начальства (см. § 6 „Прав. о ц.-п. шк." 13 іюн. 84 г.). Духовенство въ школахъ грамоты увидѣло могучее подспорье правильной школѣ, облегчающее трудъ послѣдней и сокращающее въ ней срокъ ученія. Начало важнѣйшихъ мѣропріятій высшей духовной власти, направленныхъ къ упорядоченію и улучшенію школъ грамоты, положено было въ 1888 г. и этотъ годъ безспорно долженъ быть признанъ достопамятнымъ въ исторіи школъ грамоты. На ряду съ опредѣленіемъ отношеній духовнаго начальства и приходскихъ священниковъ къ школамъ грамоты выяснялась и та мысль, что школы эти зависятъ исключительно отъ одного только духовенства. Хотя въ Высоч. утвержденныхъ „Правилахъ о ц.-пр. шк." опредѣленно выражено, что „вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства подлежатъ... и открываемыя по деревнямъ и поселкамъ, входящимъ въ составъ прихода, „домашнія крестьянскія школы грамоты", тѣмъ не менѣе по мѣстамъ за духовенствомъ не признавалось права исключительнаго вѣдѣнія школъ грамоты. Въ устраненіе подобныхъ случаевъ

---

[1]) См. Д. Щеглова—„о школ. грамотности"—„Кишин. Еп. Вѣд." 89 г. № 23, стр. 1017.

[2]) См. въ ст. П. Бунакова: „о домашн. школ. грамотн. въ народѣ". Спб. 85 г. стр. 3—4.

[3]) Ibid. стр. 4.

Министръ Н. Пр. разъяснилъ попечителямъ учебныхъ округовъ, что „правила о церк.-прих. школахъ не обусловливаютъ никакими ограничительными мѣрами открытія и закрытія школъ грамоты, подчиняя (ихъ) безраздѣльно вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства и что, въ виду сего, для открытія школы грамоты духовенству нѣтъ никакой надобности входить въ сношеніе съ мѣстнымъ свѣтскимъ учебнымъ начальствомъ“ (спец. разъясн. отъ 29 нояб. 1885 г. и цирк. отнош. Учил. Сов. при Син. въ Епарх. Учил. Сов. отъ 25 іюл. 86 г.). Какъ, однако, ни рѣшительны и ни опредѣленны эти оффиціальныя разъясненія, они всетаки оказались недостаточными для цѣли: школы грамоты продолжали вѣдаться частію духовенствомъ, частію земствомъ, или же и вовсе никѣмъ не вѣдались. Потребовались новыя разъясненія и таковыя явились въ 1890 году. Министръ Нар. Просв., предложеніемъ попечителямъ учебныхъ округовъ, отъ 14 мар. 1890 г., просилъ гг. попечителей разъяснить свѣтскимъ учебнымъ начальствамъ, что „всѣ, открываемыя по деревнямъ и поселкамъ школы грамотности, на какія-бы средства таковыя не содержались, подлежатъ вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства, къ коему и должны обращаться общественныя учрежденія и отдѣльныя лица, желающія имѣть означеннаго рода школы“. Такимъ образомъ, съ 1890 г. школы грамоты всѣ безъ изъятія отданы въ руки православн. духовенства. Со времени утвержденія, 4 мая 1891 г., „Правилъ о школахъ грамоты“—эти скромныя школки, выработанныя самимъ народомъ, получаютъ *право гражданства* въ ряду прочихъ начальныхъ училищъ и начинается настоящая жизнь русской и православной школы грамоты, подъ защитой и руководствомъ св. прав. Церкви.

Вслѣдъ за изданіемъ „Правилъ о шк. грамоты“ г. Синод. Об.-Прокуроръ, по сообщенію „Правительств. Вѣстн.“, обратился къ гг. губернаторамъ съ просьбой оказать содѣйствіе возможно широкому распространенію первоначальныхъ училищъ, называемыхъ школами грамоты, такъ какъ къ учрежденію сихъ школъ, кромѣ членовъ причтовъ и монастыреи, призваны: благотворительныя учрежденія, прихожане, сельскія и городскія общества, а также и земства. Но на приглашеніе г. Синод. Об. Прокурора отозвались лишь нѣкоторыя изъ земствъ Херсонской, Саратовской, Казанской и

Тульской губерніи, а значительное большинство отнеслось къ сему зову съ обычной враждой, такъ какъ означенныя школы находились въ исключительномъ вѣдѣніи прав. духовенства. Московское же губернское земство, вѣрное своимъ традиціямъ, уже извѣстнымъ намъ, не только отказало въ какой-либо помощи школамъ грамоты, заявивъ, что изыщетъ другія пути къ удовлетворенію народной потребности въ грамотѣ, но въ 11-ти тезисахъ запѣло старую свою любимую пѣсню о непригодности ц.-прих. школъ и превосходствѣ предъ ними школъ земскихъ („Нов. Вр." 94 г. № 6569-й). Между тѣмъ стали появляться въ свѣтской печати болѣе или менѣе правдивые отзывы о школахъ грамоты. Такъ въ „Гражданинѣ" писали: „мнѣ пришлось присутствовать при экзаменахъ выпускныхъ... въ двухъ школахъ земскихъ и трехъ школахъ грамотности, основанныхъ мѣстными причтами. И, къ великому моему удивленію и, признаюсь, радости, результаты экзаменовъ въ школахъ грамотности оказались выше, чѣмъ въ школахъ земскихъ. Я говорю къ радости моей—не потому, чтобы имѣлъ что-либо противъ земства, а потому, что школа земская стоитъ всему населенію, въ большинствѣ случаевъ и не пользующемуся ею, отъ 6-ти до 10-ти разъ дороже, чѣмъ простая школа грамотности. Плоды же послѣдней оказываются лучше -мальчики пишутъ лучше и грамотнѣе, считаютъ тоже; что же касается Зак. Божія, то ихъ и сравнивать даже нельзя. Другими словами, вмѣсто одной школы земской могутъ существовать 6 — 10 школъ грамотности".

Кромѣ школъ грамотности, духовному вѣдомству были подчинены и всѣ, учреждаемыя въ видѣ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній, воскресныя школы для правосл. населенія (цирк. мин. нар. пр. отъ 4 сент. 91 г. № 15,191-й).

Прочно установившееся между Министерствомъ Нар. Просв. и духовнымъ вѣдомствомъ единодушіе въ дѣлѣ нар. образованія, санкціонируемое высшею правительств. властью, выдвинуло на очередь очень важный и сложный вопросъ — о сосредоточеніи дѣла начальнаго народн. образованія въ одномъ вѣдомствѣ, какъ для успѣха самого дѣла, такъ и для сбереженія государственныхъ суммъ. Въ оффиціальныхъ сферахъ этотъ вопросъ обсуждался въ 1887 году. Слѣдствіемъ этого обсужденія явилось Высоч. утвержденное 12 мая

1887 г. мнѣніе Государ. Совѣта, которымъ предоставлялось Г. Синод. Об.-Прокурору и Г. Министру Нар. Пр. внести въ Государ. Совѣтъ особое представленіе о передачѣ завѣдыванія дѣломъ народнаго образованія одному вѣдомству. Но прямого и окончательнаго рѣшенія этого вопроса не послѣдовало; въ какомъ же смыслѣ правительство желало разрѣшить этотъ вопросъ,—видно изъ значительно возросшей съ этого времени правительственной субсидіи на содержаніе ц.-прих. школъ и изъ перехода въ исключительное завѣдываніе духовнаго вѣдомства всѣхъ школъ грамоты и самостоятельныхъ воскресныхъ школъ. Въ 1893-мъ году Государь Императоръ снова повелѣлъ г. Синодальн. Оберъ-Прокурору и Г. Министру Нар. Просв. ускорить внесеніемъ въ Государ. Совѣтъ проекта о порядкѣ завѣдыванія начальными народными школами, —но и послѣ сего вопросъ о сосредоточеніи дѣла народнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ остался открытымъ, вслѣдствіе вѣдомственной боязни радикальнаго разрѣшенія огромной важности вопроса!..

Довольно скептически отнеслась къ сліянію земскихъ школъ съ церковно-приходскими „Русская Мысль“ (Май 87 г.), повторяя не блестящую новизной и изрядно пріѣвшуюся всѣмъ свою старую пѣснь о непригодности духовенства къ дѣлу нар. образованія и превосходствѣ въ семъ отношеніи земства. Выступили на защиту земской школы и „Спб. Вѣдом.“ (89 г.), указывая на то, что самое главное обвиненіе противъ земской школы, состоящее въ осужденіи ея педагогическихъ методовъ и учительскаго персонала, должно всецѣло падать не на земство, а на Министерство Н. Пр., которое всегда имѣло возможность устранить нежелательные педагогическіе методы и смѣнить учительскій персоналъ. Но въ то же время въ свѣтской печати раздавались голоса съ злостными и ярыми нападками на земство; такъ, въ „Гражданинѣ“ кн. Мещерскій писалъ: „никакая логика на почвѣ практическаго пониманія правительственныхъ и народныхъ интересовъ не можетъ пояснить, какъ можно было, въ видѣ опыта, духовный міръ молодыхъ поколѣній русскаго народа, а слѣдовательно судьбу русскаго народа, отдать въ руки Земства тогда, когда еще неизвѣстно было, могло ли это земство не то что со школами, но съ тремя рублями справиться толково и разумно. Но эта логика ста-

новится еще болѣе въ тупикъ теперь, послѣ 25 лѣтъ повсемѣстнаго опыта, доказавшаго всю несостоятельность земства въ дѣлѣ народнаго образованія, когда, не взирая на эти поразительные своею убѣдительностью факты, все-таки не рѣшаются отнять образованіе изъ всякаго вѣдѣнія земства... Да и чей здравый смыслъ можетъ мириться съ мыслью, что народное образованіе есть отрасль земскаго хозяйства? Вѣдь эта поразительная нелѣпость была введена въ „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“ въ то время, когда таинственные и маскированные законодатели хотѣли именно дать земству въ руку сильное орудіе подпольной либеральной пропаганды въ темныхъ и грубыхъ средахъ крестьянскаго народа... Нужно навсегда уничтожить и слѣдъ въ русской государственной жизни того уродливаго противоцерковнаго и противосамодержавнаго факта, что народная школа могла имѣть что-нибудь общаго съ земствомъ“. Въ другомъ мѣстѣ та же газета (93 г.) приходитъ къ заключенію, что „всѣ народныя школы должны быть слиты въ церковно-правительственную школу, а земской и городской школы не должно быть и не можетъ быть“. Между тѣмъ въ духовномъ вѣдомствѣ шли оживленныя работы по организаціи административной и учебной сторонъ церковно-школьн. дѣла. Къ концу 1894 г. управленіе церковными школами представлялось въ слѣдующихъ чертахъ: высшее управленіе ц.-прих. школами принадлежало Св. Синоду съ открытымъ при немъ Училищнымъ Совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ Синодальныхъ членовъ; общее управленіе ими въ епархіяхъ принадлежало мѣстнымъ преосвященнымъ и подъ предсѣдательствомъ ихъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтамъ и Уѣзднымъ ихъ отдѣленіямъ, въ составъ которыхъ входятъ и свѣтскія лица; ближайшее же наблюденіе за школами въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ поручено назначаемымъ, по усмотрѣнію преосвященныхъ, наблюдателямъ - священникамъ; а въ 1894-мъ году въ нѣкоторыхъ епархіяхъ учреждена Св. Синодомъ должность наблюдателя или инспектора церк.-прих. школъ и школъ грамоты для цѣлой епархіи. Устройство Управленія церковными школами гарантировало ихъ упроченіе и процвѣтаніе среди народа. Съ той же цѣлью происходила разработка и учебныхъ вопросовъ, слѣдствіемъ чего явились утвержденныя Синодомъ въ 1886 г. „Программы

для церк.-прих. школъ", внесенія единство направленія и обученія въ сихъ школахъ. Исполнившееся въ 1894 г. десятилѣтіе ц.-прих. школы завершилось Кіевскимъ церковно-школьнымъ съѣздомъ представителей Епархіал. Учил. Совѣтовъ изъ 15-ти епархій Сѣв.-Зап. и Юго-Зап. Руси. Этотъ съѣздъ представлялъ собою небывалое еще явленіе въ жизни ц.-прих. школъ: на немъ сказались жизненность и мощь церк.-народной школы и постановленія его, безъ сомнѣнія внесли еще большее оживленіе въ церк.-школьное дѣло и замѣтно улучшили его. Но самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ 10-ти лѣтнихъ успѣховъ ц.-прих. школы и трудовъ русскаго правосл. духовенства въ ней служитъ отзывъ Самого Государя въ Его Высочайшемъ Рескриптѣ, отъ 13 іюня 94 г., на имя преосвященнаго Германа, предсѣдателя Училищн. при Св. Синодѣ Совѣта: „нынѣ истекаетъ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ утвержденнымъ Мною „Положеніемъ" призвано приходское духовенство къ обновленію отъ начала принадлежащей ему просвѣтительной дѣятельности, и первоначальная школа народнаго просвѣщенія въ духѣ вѣры православной вновь соединена съ церковью и приходомъ. Десятилѣтній опытъ свидѣтельствуетъ о возрастающемъ успѣхѣ сего дѣла: приходская школа, привлекая къ себѣ сочувствіе народа своею церковностью и распространяя въ возрастающемъ поколѣніи, вмѣстѣ съ грамотностью, правила вѣры, любовь къ церкви и къ церковному служенію и пѣнію, успѣла, и въ недостаткѣ средствъ, при ревностномъ содѣйствіи духовенства и съ помощью жертвъ общественныхъ, упрочить свою дѣятельность, проявляя ее и въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Россіи. Не сомнѣваюсь, что съ помощію Божіею это благое дѣло, усовершаясь съ теченіемъ времени и привлекая къ себѣ новыхъ дѣятелей, принесетъ великій плодъ для духовнаго просвѣщенія нашего отечества" („Церк. Вѣд." 94 г. № 25-й оф. ч.). Таковъ взглядъ въ Бозѣ почившаго Государя на церковно-приходскую школу, на ея значеніе и на ея будущность и такова оцѣнка 10-тилѣтней дѣятельности духовенства на пользу народнаго просвѣщенія. Это— лучшая награда духовенству, оправдавшему довѣріе своего Монарха, ровно 10 лѣтъ назадъ призвавшаго его къ его исконной просвѣтительной дѣятельности, и эта награда всегда будетъ лучшимъ стимуломъ къ дальнѣйшимъ трудамъ и уси-

ліямъ духовенства на далеко еще не вспаханной, а тѣмъ болѣе не засѣянной нивѣ народнаго просвѣщенія!

Миссіонерская дѣятельность Православной Церкви за прошлое царствованіе была энергичной и разнообразной. Она велась среди инородцевъ язычествующихъ и иновѣрныхъ, среди народностей инославныхъ исповѣданій, и, наконецъ, среди отпавшихъ отъ православія въ расколъ и секты. Миссіонерство среди языческихъ инородцевъ, главнымъ образомъ въ Сибири, проходило среди большихъ затрудненій, замедлявшихъ успѣхъ миссіонерскаго дѣла: къ такимъ затрудненіямъ надлежитъ отнести: неудобство сообщеній по обширнымъ ненаселеннымъ мѣстностямъ, нерѣдко и при отсутствіи удобныхъ путей и способовъ сообщенія, суровый климатъ, умственную неразвитость и апатію инородцевъ, разнообразіе инородцевъ и ихъ нарѣчій, противодѣйствіе мѣстныхъ властей изъ язычниковъ—введенію христіанства и особенно усилившееся противодѣйствіе православной миссіи со стороны ламайства въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Байкалу и во всей Забайкальской области среди бурятъ и тунгузовъ. Ламы старались уничтожить всѣ успѣхи православныхъ миссіонеровъ. Такъ, они „навязывали крещенымъ принадлежности языческаго культа, чтобы вытѣснить изъ ихъ юртъ священныя христіанскія изображенія, дѣлали сборы съ крещеныхъ не только на поддержаніе мѣстныхъ дацановъ, но и на сооруженіе новыхъ; безнаказанно возводили на христіанскую вѣру самыя изысканныя клеветы, приписывая ей различныя постигающія страну бѣдствія“. Но особенно сильно они тѣснили крещенныхъ въ жизненномъ быту: лишали ихъ наслѣдственныхъ правъ, общественныхъ должностей, осѣдлости и т. п... Приамурскіе-же инородцы гиляки и гольды страдали и отъ китайскихъ выходцевъ-торговцевъ, внушавшихъ имъ, чтобы они, какъ якобы данники китайскаго императора, не слушали русскихъ и жили въ своей прежней вѣрѣ. При такихъ условіяхъ миссіонерская дѣятельность въ Сибири была очень трудной. Прошедшій въ *Иркутскѣ* (съ 28 іюля по 8 авг. 1885 г.) съѣздъ сибирскихъ архипастырей выяснилъ всѣ нужды сибирской миссіи и указалъ мѣры къ ея дальнѣйшему процвѣтанію. Къ числу такихъ мѣръ, между прочимъ, отнесены: переводъ церковно-богослужебныхъ книгъ на мѣстныя нарѣчія, умноженіе миссіонерскихъ школъ, цер-

квей и молитвенныхъ домовъ, привлеченіе достойныхъ и способныхъ миссіонеровъ, освѣдомленныхъ въ мѣстныхъ языкахъ и обычаяхъ и т. п. Многія изъ проектированныхъ мѣръ уже осуществлены и сибирская миссія замѣтно оживилась.

Противомусульманская миссія проходила свое дѣло также среди огромныхъ препятствій и неудобствъ. Районъ ея дѣятельности весьма обширный: Поволжскій и Приуральскій края и Закавказье. Самый врагъ ея—исламъ мощенъ своимъ фанатизмомъ и организованностью. А между тѣмъ православная противомусульманская миссія по прежнему имѣла своимъ центромъ только г. Казань и часто нуждалась въ самомъ необходимомъ. Бывшій въ Казани въ 1885 г. съѣздъ архипастырей поволжскихъ и восточныхъ епархій выработалъ рядъ мѣръ къ усиленію миссіонерской дѣятельности противъ мусульманства. Признавъ цѣлесообразными мѣры Иркутскаго съѣзда, Казанскій съѣздъ восполнилъ ихъ и новыми, какъ-то: назначеніе въ инородческіе приходы священниковъ и катихизаторовъ преимущественно изъ инородцевъ, введеніе инородческаго языка въ богослуженіе, устройство церквей, школъ и молитвенныхъ домовъ съ переносными антиминсами, учрежденіе должностей епархіальныхъ миссіонеровъ, изученіе инородческихъ языковъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ и пр. Большая часть этихъ мѣръ уже приведены въ дѣйствіе и приносятъ большую пользу дѣлу противомусульманской миссіи. Впослѣдствіи, преосвященными Приволжскаго и Пріуральскаго края были сдѣланы особыя представленія о мѣрахъ гражданскаго характера въ огражденіе православія отъ мусульманства, какъ напр.: уничтоженіе должности муфтія и магометанскаго собранія и подчиненіе ихъ дѣлъ вѣдѣнію губернскихъ правленій, сокращеніе числа мечетей и муллъ и запрещеніе послѣднимъ обучать дѣтей инородцевъ и вѣнчать смѣшанные браки, поселеніе русскихъ среди инородцевъ и назначеніе сельскихъ властей исключительно изъ русскихъ.

Давніе недуги религіозной жизни коренного русскаго населенія—расколъ и секты также были предметомъ усиленныхъ заботъ Православной Церкви. Окрыленный закономъ 1883 г. мая 3-го расколъ использовалъ всѣ предоставленныя ему этимъ закономъ права въ цѣляхъ болѣе фанатич-

ной и широкой борьбы съ православіемъ. А это не могло не обратить на него усиленнаго вниманія со стороны дѣятелей православной миссіи. На Казанскомъ соборѣ архипастырей въ 1885 г. были выработаны многочисленныя мѣры для борьбы съ расколомъ. Такъ, признано было необходимымъ устройство спеціальныхъ противъ раскола миссій въ епархіяхъ, зараженныхъ расколомъ. Нѣсколько позже въ 1887 г. на первомъ противораскольничьемъ съѣздѣ дѣятелей православной миссіи въ Москвѣ были подробно разработаны и „Правила объ устройствѣ миссій", утвержденныя затѣмъ въ 1888 г. Св. Синодомъ. Эти „Правила" положили начало планомѣрной и разносторонней борьбѣ съ расколомъ. На томъ же Казанскомъ Съѣздѣ 1885 г. было признано необходимымъ введеніе въ семинарскій курсъ обязательнаго изученія раскола, а равно и открытіе при семинаріяхъ публичныхъ съ раскольниками бесѣдъ въ цѣляхъ практической подготовки будущихъ пастырей къ противораскольничьей дѣятельности. Для подготовки борцовъ противъ раскола изъ среды мірянъ - ревнителей православія было признано полезнымъ открытіе особыхъ миссіонерскихъ школъ. Было обращено большое вниманіе и на литературную борьбу съ расколомъ. Словомъ, съѣздъ съ рѣдкимъ вниманіемъ отнесся къ нуждамъ противораскольничьей миссіи и его благія постановленія, проведенныя Св. Синодомъ въ жизнь, доселѣ даютъ обильный плодъ. На ряду съ этимъ Св. Синодъ опредѣленіями отъ 1881 и 1886 г. разъяснилъ многія недоумѣнія, давно уже смущавшія раскольниковъ и единовѣрцевъ и препятствовавшія какъ переходу раскольниковъ въ единовѣріе, такъ и правильному пониманію единовѣрія въ его отношеніи къ Православной Церкви. Такъ, опредѣленіемъ 1881 г. Св. Синодъ, восполнивъ прежнія „правила" объ единовѣріи, яснѣе призналъ единовѣріе тѣмъ же православіемъ, но съ правомъ на совершеніе богослуженія по старопечатнымъ книгамъ и на употребленіе „старыхъ" обрядовъ. Опредѣленіемъ 1886 г. Св. Синодъ издалъ „Изъясненіе" относительно „жестокословныхъ порицаній" въ прежнихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола и относительно смысла клятвы Московскаго собора 1667 г. на порицающихъ новоисправленныя книги, чины и обряды грекороссійской церкви.

Не менѣе напряженною была дѣятельность Православной

Церкви въ борьбѣ съ сектантствомъ. За истекшее царствованіе сектантство не только широко распространялось, не только множилось за счетъ православія, но и въ свою очередь дробилось на все новыя и новыя секты, изъ которыхъ каждая дышала ненавистью прежде всего противъ православія и старалась расти за счетъ православія. Борьба съ сектантствомъ осложнялась особенно и тѣмъ, что въ сектантствѣ сплетались элементы не только чисто-религіозные, но и соціально-экономическіе и политическіе, и даже иноземные. Въ сектантство нерѣдко шли люди, которые ничего общаго не имѣли съ религіозными запросами души, но которые смотрѣли на сектантство, какъ на средство для достиженія излюбленныхъ ими соціально-государственныхъ преобразованій и даже государственнаго переворота. Подобнаго рода дѣятели старались, и часто довольно успѣшно, забрать въ свои руки судьбы простонароднаго сектантства. Въ 80-хъ годахъ даже ярко обрисовалось стремленіе русской либеральной интеллигенціи объединить всѣ секты подъ общимъ знаменемъ, и, конечно, такимъ знаменемъ явилась прежде всего вражда къ Православной Церкви. Въ противовѣсъ натиску сектантовъ на Церковь въ 1884 г. состоялся въ Кіевѣ съѣздъ южно-русскихъ архипастырей со спеціальной цѣлью выработки мѣръ для борьбы со штундою. Было рѣшено привлечь и организовать всѣ силы духовенства на борьбу съ сектантствомъ, открыть при семинаріяхъ каѳедры по изученію сектъ, учредить должности особыхъ противосектантскихъ миссіонеровъ, завести и усилить изданіе миссіонерской противосектантской литературы, организовать миссіонерскую благотворительность и пр. Изданныя Св. Синодомъ въ 1888 г. „Правила объ устройствѣ миссіи" обняли собою и миссію противосектантскую, которая въ нихъ получила стройную организацію и планомѣрную дѣятельность. Въ принятіи тѣхъ или другихъ мѣръ противъ сектантства, православная миссія всегда исходила изъ взгляда на сектантство, какъ на *духовную болѣзнь*, глубоко коренящуюся въ душѣ народа, въ ложныхъ убѣжденіяхъ его непросвѣщеннаго ума, въ мистико-моральномъ настроеніи русскаго сердца, въ слабоволіи толпы и своеволіи вожаковъ ея. А потому и мѣрами уврачеванія этого духовнаго недуга — наша миссія всегда признавала прежде всего и главнымъ образомъ мѣры *духовнаго порядка*.

Но такъ какъ жизнь Православной Церкви въ Россіи и въ прошлое царствованіе протекала по системѣ единенія съ Русскимъ Государствомъ, — системѣ, предполагающей въ государствѣ единство задачъ и стремленій съ Церковью, и состоящей въ томъ, что государство возводитъ правила Церкви въ законы государственные, обязываетъ гражданъ исполнять требованія Церкви, какъ обязанности государственныя, предупреждаетъ всякія уклоненія отъ ученія Церкви, наказываетъ за неисполненіе правилъ церковной дисциплины уголовнымъ порядкомъ и лишеніемъ или ограниченіемъ гражданскихъ правъ, то на помощь православной миссіи приходила иногда и государственная власть своими внѣшними мѣрами воздѣйствія на расколъ и секты въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось имѣть дѣло съ упорной и открытой враждой раскольниковъ и сектантовъ къ православію, или когда въ религіозно-нравственную жизнь православнаго народа проникали, подъ видомъ ученія Христова, противообщественные и соціально-политическіе элементы особенно вредные и опасные для государства и общества. И Церковь не отрицала такого содѣйствія государства, потому что признавала пріемлемымъ самый принципъ единенія своего съ государствомъ, въ силу котораго печать Христова ложится и на законы государственные и страна воспитывается въ Христовомъ духѣ. Правда, и въ этомъ случаѣ могли быть дефекты отъ неправильнаго примѣненія названнаго принципа, но важно самое признаніе этого принципа, а дефекты всегда можно устранить. Благодаря многочисленнымъ мѣрамъ церковнаго, и отчасти гражданскаго характера, пропаганда сектантства значительно ослабѣла и само сектантство впало въ томительное ожиданіе своей „весны", которая и пришла для него уже въ слѣдующее царствованіе вмѣстѣ съ „зимою" для православія!..

Скажемъ вкратцѣ и о тѣхъ религіозныхъ движеніяхъ, которыя произошли въ минувшее царствованіе на западныхъ окраинахъ Россіи.

Уже съ осени 1883 г. въ Прибалтійскомъ краѣ среди эстовъ-лютеранъ, латышей и ливовъ обнаружилось сильное стремленіе къ православію, такъ что втеченіе восьми лѣтъ перешло въ православіе до 20,000 чел. Прибалтійскіе пасторы и бароны задались цѣлью остановить это движеніе. И вотъ, по ихъ иниціативѣ, Швейцарскій Евангелическій Союзъ въ

1887 г. подалъ на имя Государя Императора Александра III-го адресъ, въ которомъ печаловался на попираніе-де религіозной свободы въ Прибалтійскомъ краѣ и просилъ предоставить полную свободу для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ Россіи. Въ отвѣтъ на этотъ адресъ послѣдовало историческое письмо Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева на имя президента Евангелическаго союза Эдуарда Навилля. Въ этомъ письмѣ, съ явною и справедливою цѣлью отвадить иностранцевъ отъ непрошеннаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь Россіи, съ поразительною убѣдительностью заявлено, что „нигдѣ въ Европѣ инославныя и даже нехристіанскія исповѣданія не пользуются столь широкою свободою, какъ посреди русскаго народа“, что въ Остзейскомъ краѣ „православіе не нападаетъ, а защищаетъ себя въ тяжелой для него борьбѣ съ лютеранствомъ“, что „доселѣ здѣсь идетъ борьба со стороны потомковъ рыцарей за исключительное господство въ краѣ, и доселѣ лютеранство, подобно прежнему католичеству, прикрываетъ эту мірскую борьбу знаменемъ религіи и, подавляя всякія попытки со стороны туземцевъ къ единенію съ Россіею, стѣсняя свободу совѣсти, въ то же время распространяетъ по Европѣ вопли о насиліи лютеранской совѣсти, смущаетъ спокойныя лютеранскія совѣсти въ другихъ частяхъ Имперіи, повсюду держитъ лютеранскіе умы въ тревогѣ“. Понятно, что за границей обрушились на автора письма, но ничего мало-мальски цѣннаго не могли сказать въ опроверженіе высказаннаго имъ въ отвѣтномъ письмѣ на имя Э. Навилля. И доселѣ это письмо стоитъ предъ сознаніемъ Россіи и Европы во всей своей величественной красѣ, правдѣ и мощи! Въ огражденіе православія отъ лютеранства въ Прибалтійскомъ краѣ Св. Синодъ усилилъ построеніе тамъ храмовъ и школъ, а свѣтская власть подтвердила въ 1885 г. законъ о предбрачныхъ подпискахъ, при заключеніи смѣшанныхъ браковъ между лютеранами и православными, касательно крещенія и воспитанія дѣтей отъ сихъ браковъ въ православной вѣрѣ. Сверхъ того, въ 1886 г. было воспрещено взысканіе съ православнаго населенія всякихъ сборовъ въ пользу лютеранскихъ церквей и были утверждены и изданы правила о порядкѣ отчужденія и занятія частныхъ недвижимыхъ имуществъ для нуждъ православной церкви.

Въ Западной Россіи и Привислянскомъ Краѣ по прежнему самыми ярыми врагами православія оставались польскіе помѣщики, польская шляхта и ксендзы. Нерѣдко пропаганда ксендзовъ становилась и публичной. Такъ, при возстановленіи латинскихъ епископскихъ каѳедръ въ 1883 и 1889 г. и переговорахъ съ римской куріей, ксендзы распространяли въ народѣ слухи о возвращеніи закрытыхъ латинскихъ костеловъ и свободномъ возвращеніи въ латинство перешедшихъ въ православіе. Торжественные „отпусты" во дни костельныхъ праздниковъ, „общества романцевъ" (пѣвческія) и „таинницы" (ночныя якобы религіозно-пѣвческія собранія), получили исключительно пропагаторскій характеръ. Но особенно сильно шла пропаганда, при заключеніи смѣшанныхъ браковъ католиковъ съ православными; ксендзы всячески противились этимъ бракамъ. Особенно они препятствовали женитьбѣ католиковъ на православныхъ невѣстахъ, дѣлая уступки лишь бракамъ православныхъ съ католичками, которыя всегда являются рьяными помощницами ксендзовъ въ дѣлѣ совращенія православныхъ въ латинство. Нерѣдко ксендзы вовсе отказывали въ выдачѣ документовъ и предбрачныхъ свидѣтельствъ для заключенія смѣшанныхъ браковъ, отчего появились такъ называемые „Краковскіе", или незаконные браки. Свѣтская русская власть вынуждена была учредить строгій административный надзоръ за дѣятельностію ксендзовъ. А 11 мая 1891 г. Высочайше разрѣшено было совершать браки между православными латинянами безъ свидѣтельствъ ксендзовъ, по удостовѣренію, выдаваемому полиціей. 3 Апрѣля 1892 г. были изданы Высочайше утвержденныя „Временныя Правила" для 9-ти западно-русскихъ и южно-русскихъ губерній о взысканіяхъ за тайное обученіе или денежнымъ штрафомъ до 300 руб., или арестомъ до 3 мѣсяцевъ. Были также закрыты и переданы православнымъ нѣкоторые католическіе монастыри и костелы. Православная-же духовная власть съ своей стороны для борьбы съ католической пропагандой усилила построеніе новыхъ храмовъ и открытіе новыхъ приходовъ и при нихъ церковныхъ школъ, братствъ и пр.... Въ 1889 г. торжественно было отпраздновано 50-лѣтіе возсоединенія Уніатовъ съ православной церковью, чѣмъ воскрешены были въ памяти западно-русскихъ епархій прежніе историческіе дѣятели на

пользу православія, оставившіе своимъ преемникамъ святые завѣты поборать за православную Церковь на католическихъ окраинахъ Россіи.

Въ *заключеніе* своего краткаго обзора церковной жизни Россіи въ прошлое царствованіе отмѣтимъ, что во всѣхъ отрасляхъ ея сказалось рѣдкое оживленіе и громадный подъемъ церковныхъ силъ, какъ центральныхъ, такъ и особенно мѣстныхъ—епархіальныхъ, что было прямымъ слѣдствіемъ внутренней политики въ Бозѣ почившаго Государя. Коренныя реформы Императора Александра II-го, какъ напр.: крестьянская, выдвинувшая на Руси новый—*дворянскій вопросъ*, земская и судебная; далѣе, пробужденіе новыхъ сферъ экономической жизни и начертаніе новыхъ задачъ народнаго образованія все это вмѣстѣ несомнѣнно перенесло жизненный центръ Государства въ провинцію и поставило порядокъ и благосостояніе Россіи въ зависимость отъ мѣстной работы, умственной и матеріальной. Но быстрое проведеніе этихъ безспорно важныхъ и цѣнныхъ реформъ въ русскую жизнь и вліяніе на нее нѣкоторыхъ слишкомъ скороспѣлыхъ новыхъ идей расшатали внутренній порядокъ въ Россіи.—Укрѣпить его, исправить ошибки царствованія Императора Александра II-го, вполнѣ естественныя при быстромъ переходѣ провинціи отъ спячки къ усиленной самодѣятельности, и „водворить порядокъ и правду въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи ея благодѣтелемъ Александромъ II-мъ“ *вотъ каковы были задачи* царствованія Императора Александра III-го. Посему, сохраняя самодѣятельность провинціи, прошлое царствованіе поставило ее въ необходимыя для благосостоянія Россіи отношенія къ центру. Подъ вліяніемъ нормальной — государственной децентрализаціи совершилась въ Россіи и децентрализація въ управленіи русской церковью, что было неотложнымъ требованіемъ религіозной жизни русскаго народа, предъявившаго къ Церкви массу духовныхъ запросовъ, которые требовали и скорѣйшаго удовлетворенія и непосредственнаго знанія самой жизни. Децентрализація въ управленіи русской церковью сказалась главнымъ образомъ въ возстановленіи и широкомъ развитіи древняго соборнаго начала посредствомъ окружныхъ съѣздовъ епископовъ и представителей низшаго духовенства разныхъ епархій. Къ усиленной самодѣятель-

ности были призваны и церковно-приходскія силы чрезъ повсемѣстное возстановленіе и устройство новыхъ церковныхъ приходовъ. Духъ оживленія проникъ и въ стѣны монастырей чрезъ призваніе ихъ къ благотворительной и просвѣтительной дѣятельности. Тоже оживленіе — въ мірѣ учебномъ сказалось съ одной стороны въ заботахъ о воспитательномъ вліяніи школы, о воспитаніи сердца, на ряду съ развитіемъ ума; съ другой стороны — въ провозглашеніи церковно-народныхъ началъ въ общественномъ и школьномъ воспитаніи. Поворотъ въ сторону церковности и народности, какъ единственныхъ незыблемыхъ основъ воспитанія,—отличительная черта учебно-воспитательнаго метода, введеннаго въ учебныя заведенія и народныя школы въ царствованіе Императора Александра III-го. Въ этомъ духѣ были преобразованы всѣ духовно-учебныя заведенія; а въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ было усилено преподаваніе Закона Божія, было возвышено и упрочено положеніе законоучителя и приняты мѣры къ учрежденію домовыхъ церквей и къ привлеченію воспитанниковъ къ непосредственному участію въ богослуженіи посредствомъ чтенія и пѣнія. Въ области начальнаго народнаго образованія тѣ-же идеи общественнаго воспитанія выразились въ возстановленіи и безпримѣрномъ развитіи церковныхъ школъ; въ возвышеніи духа церковности въ свѣтскихъ начальныхъ школахъ и въ усиленіи въ нихъ преподаванія Закона Божія и церковнаго пѣнія. Это теченіе въ начальномъ народномъ образованіи завершилось изданіемъ 7 февр. 1897 г. „Примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ школахъ Мин. Нар. Просвѣщенія“[1]). Съ этого времени въ свѣтскихъ начальныхъ народныхъ школахъ не только Законъ Божій, но и нераздѣльно связанныя съ нимъ, въ качествѣ вспомогательныхъ предметовъ, церковно-славянская грамота и церковное пѣніе -поставлены на ряду съ другими учебными предметами, причемъ за церковнымъ пѣніемъ было признано „важное воспитывающее значеніе“,

---

[1]) Хотя эти „программы“ по времени принадлежатъ нынѣшнему царствованію, но всѣмъ своимъ содержаніемъ онѣ относятся къ прошлому, тѣмъ болѣе что служатъ выраженіемъ взглядовъ Мин. Нар. Просвѣщ прошлаго царствованія.

такъ какъ „церковное пѣніе возвышаетъ религіозно-нравственное чувство учащихся, и если они къ тому же поютъ и въ церкви, то и тѣснѣе сближаетъ ихъ съ нею, что должно быть одной изъ главныхъ цѣлей при воспитаніи дѣтей“ (см. замѣчанія къ „Программѣ пѣнія“). Въ этихъ словахъ какъ нельзя лучше сказались взглядъ покойнаго Государя и его сподвижника и единомышленника Министра Народн. Просвѣщенія Н. Д. Делянова на направленіе народнаго образованія. Вся важность данной реформы народнаго образованія заключается въ томъ, что, только съ реформированіемъ народнаго образованія въ истинно-народномъ духѣ, мы вышли изъ подражательнаго періода нашей исторической жизни и вступили въ періодъ полнаго народнаго самосознанія. И это преобразованіе народной школы въ духѣ и завѣтахъ православія и народности—одно изъ блестящихъ украшеній въ вѣнцѣ почившаго Монарха. Ограждая народную школу отъ гибельныхъ иноземныхъ вліяній и поставивъ её подъ сѣнь св. Церкви, въ Бозѣ почившій Государь былъ ревностнымъ блюстителемъ интересовъ Православной русской Церкви, сильнымъ защитникомъ ея въ борьбѣ съ расколомъ, сектантствомъ, инославіемъ и иновѣріемъ. Можно сказать, что только въ минувшее царствованіе русская народность подняла свое знамя и народное самосознаніе свершило свой конечный путь, проникнувъ и въ хижину крестьянина. Много потребовалось терпѣнія, энергіи и искусства, чтобы ввести корабль русской народности въ историческое русло народной жизни и ввѣрить судьбы его той могучей силѣ, которая взрастила и воспитала русскій народъ—св. Православной Вѣрѣ, Церкви и ея пастырямъ. И тѣмъ не менѣе все это свершилось и свершилось, несмотря на ожесточенные нападки и безпримѣрные пасквили на духовенство, несмотря на обвиненія его и въ клерикализмѣ, и въ якобы неподготовленности къ какому либо руководительству и тѣмъ болѣе школьному, вслѣдствіе мнимой его „умственной и нравственной недоразвитости“!... Почившій Государь Самъ зорко слѣдилъ за общимъ теченіемъ русской жизни и Своею мощью направлялъ её ко благу и счастію Россіи и Церкви Православной. И Россія дѣйствительно „развила *свои* силы, *свое* богатство, *свое* благосостояніе“ (Высоч. Маниф. 2 марта 1881 г.). Такой успѣхъ внутренней политики прошлаго

царствованія тѣмъ-болѣе понятенъ, что личность почившаго Государя была воплощеніемъ самыхъ лучшихъ національныхъ чертъ русскаго народа и потому Онъ могъ понять нужды своего народа и дать имъ надлежащее удовлетвореніе.—Вотъ почему такъ тяжела была для русскаго народа потеря Великаго Царя—Миротворца!

Проходятъ годы.... Безпощадное время всé уноситъ съ собой... Сходятъ со сцены одни историческіе дѣятели, на смѣну имъ выступаютъ другіе... Дѣлà и идеи однихъ забываются и отходятъ въ область преданій, а другихъ—живутъ со славою вѣчно и къ нимъ-то стремятся народы!... И намъ кажется, что минувшее царствованіе повѣдало міру двѣ незыблемыя и великія истины: во-первыхъ, что и при современномъ строѣ государственной жизни народовъ, при поразительномъ господствѣ въ ней милитаризма и утилитаризма—идея мира можетъ быть реальностью, а не безплодной фантазіей и во вторыхъ— что благосостояніе страны всецѣло зиждется на воспитаніи народа въ духѣ его религіозно-національныхъ особенностей, а не въ привитіи ему иноземныхъ идей. Послѣднее особенно ясно было высказано почившимъ Государемъ въ Манифестѣ 29 апр. 1881 г., когда Онъ призывалъ всѣхъ русскихъ подданныхъ: „служить монархамъ и государству вѣрой и правдой къ искорененію гнусной крамолы, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій“, дарованныхъ Россіи Императоромъ Александромъ II-мъ!...

Въ этихъ историческихъ строкахъ—вся царственная программа, всѣ идеи ихъ Августѣйшаго Автора, вся Его проповѣдь современникамъ, все завѣщаніе послѣдователямъ и потомкамъ, вся Его вѣра и надежда!...

И. Айвазовъ.

Подъ редакціей Намѣстника Чудова монастыря преосвященнаго епископа Серпуховскаго Арсенія и И. Г. Айвазова издается журналъ:

„Голосъ Церкви“.

Подписная цѣна на журналъ 4 руб. въ годъ. За полгода 2 руб. Деньги адресовать: „*Москва. Кремль. Чудовъ Монастырь*“,—въ редакцію журнала:

„Голосъ Церкви“.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія сочиненія И. Г. Айвазова.

(Съ требованіями обращаться по адресу: *„С.-Петербургъ. Калашниковская набережная, д. 32. кв. 46. Телеф. 146-71*).

1. Новая вѣроисповѣдная система Русскаго Государства. Изд. 2-е. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
2. Законодательство по Церковнымъ дѣламъ въ царствованіе Императора Александра III-го. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 50 к.
3. Церковные вопросы въ царствованіе Императора Александра III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
4. Къ думскому законопроекту о „старообрядческихъ" общинахъ.—Ц. 15 к., съ перес. 20 к.
5. Орловскій миссіонерскій съѣздъ, въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
6. Православная Церковь и высшія Государственныя Учрежденія въ Россіи. Ц. 35 к., съ перес. 40 к.
7. Великій штурмъ Церкви. Ц. 25 к., съ перес. 30 к.
8. Религіозная правда Русскаго Самодержавія, въ связи съ воцерковленіемъ человѣческой жизни.—Изд. 3-е, Ц. 25 к., съ перес. 30 к.
9. Власть Русскаго Царя. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
10. Къ вопросу о смертной казни. Изд. 3-е. Ц. 25 к., съ пер. 30 к
11. Христіанская Церковь и современный соціализмъ. Изд. 4-е. Ц. 20 к, съ пер. 25 к.
12. Программа для преподаванія свѣдѣній по обличенію соціализма. Изд. 3-е. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.
13. Кто такой Л. Толстой. Изд. 6-е. Ц. 5 к., съ пер. 8 к.
14. Графъ Левъ Толстой. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
15. Религіозныя скитанія русской интеллигенціи нашего времени. Изд. 4-е. Ц. 35 к., съ пер. 40 к.
16. Проблема свободы въ философіи Канта. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.
17. Магистерская диссертація В. А. Бѣляева: „Лейбницъ и Спиноза". Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
18. Критическій обзоръ матеріалистическихъ теорій противъ субстанціальности души. Ц. 25 к. съ пер. 30 к.
19. Русское сектантство. Изд. 3-е. Ц. 30 к. съ пер. 35 к.
20. Миссіонерская полемика. Изд. 3-е. Ц. 20 к. съ пер. 25 к.
21. Внутренняя миссія въ Тамбовской епархіи. Ц. 35 к. съ пер. 40 к.
22. Бесѣда съ сектантами—адвентистами о субботѣ и воскресномъ днѣ. Изд. 4-е. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.
23. Обновленцы и староцерковники. Ц. 75 к. съ пер. 1 руб.
24. Къ диссертаціи Д. Коновалова: „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ". Ц. 40 к. съ пер. 50 к.
25. Власть и положеніе римскаго епископа въ Церкви, по св. Василію Великому. Изд. 2-е. Ц. 25 к. съ пер. 30 к.
26. Высокопреосвященный Владиміръ, Митрополитъ С.-Петербургскій. — Ц. 15 к., съ перес. 20 к.
27. Прощаніе высокопреосвященнаго Владиміра, митрополита Петербургскаго, съ Московскою Церковью. Ц. 40 к. съ перес. 50 к.
28. Что читать? Ц. 1 к.
29. Къ Солдатамъ. Изд. 3-е. Ц. 1 к.
30. Къ свободѣ. Изд 3-е. Ц. 1 к.
31. Не пожелай чужаго. Изд. 3-е. Ц. 1 к.
32. „Царь Іудейскій.—Ц. 2 кн.
33. Любовь не безчинствуетъ. Ц. 1 к.
34. Берегитесь сектантовъ. Ц. 1 к.
35. Храмъ Божій. Изд. 3-е. Ц. 5 к.
36. Обличеніе русскихъ сектантовъ. Изд. 4-е. Ц. 5 к.
37. О Словѣ Божіемъ или объ источникахъ христіанскаго вѣроученія. Изд. 4-е. Ц. 5 к.
38. Бесѣда съ сектантами о Св. Писаніи и Св. Преданіи. Изд. 2-е. Ц. 6 к.
39. Бесѣда съ сектантами о Крестѣ Христовомъ. Изд. 4-е. Ц. 5 к.
40. Бесѣда съ сектантами о Таин. св. Причащенія. Изд. 4-е. Ц. 6 к.
41. Бесѣда съ сектантами о водномъ крещеніи. Изд. 4-е. Ц. 3 к.
42. Бесѣда съ сектантами о водномъ крещеніи. Изд. 4-е. Ц. 10 к.
43. Откуда въ Церкви Христовой разныя секты и Бесѣда съ сектантами о крещеніи, причащ. и храмѣ. Изд. 4-е. Ц. 6 к.
44. Бесѣда съ сектантами о крещеніи младенцевъ. Изд. 4-е. Ц. 5 .
45. Бесѣда съ сектантами о крещеніи младенцевъ и о св. причащеніи. Изд. 4-е. Ц. 6 к.
46. Бесѣда съ хлыстами объ Іисусѣ Христѣ. Изд. 4-е. Ц. 5 к.
47. Московскіе сектанты. Изд. 4-е. Ц. 3 к.
48. Московскіе братцы.—Изд. Бр. В. Хр.—Изд. 3-е. Ц. 15 к.

2007041157